

Аскольд Де Реро

*А загляну в
твой глаза...*

Аскольд Де Герсо

И загляну в твои глаза...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42350711

ISBN 9785449668295

Аннотация

В книге собраны произведения разных лет, тематика произведений охватывает все стороны нашей жизни. Здесь и бытовые истории и криминал, всё, как в жизни...

Содержание

И загляну в твои глаза	7
Родная кровь	21
Листья жгут	41
Запоздалое прости	56
Рябина – ягода горькая	73
Брак по расчёту	80
Конец ознакомительного фрагмента.	109

И загляну в твои глаза...

Аскольд Де Герсо

© Аскольд Де Герсо, 2019

ISBN 978-5-4496-6829-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аскольд Де Герсо

*И загляну в
твои глаза...*

Аскольд Де Герсо

И загляну в твои
глаза...

Уважаемый читатель!

Добро пожаловать в неизведанный мир автора Аскольда Де Герсо. В этой небольшой подборке прозаических и поэтических произведений, не пытайтесь искать какой-то логической цепочки, связывающей их воедино. Автор не ставил подобной задачи, собрав под одной обложкой разноформатные сочинения. Ведь у каждого автора со временем набирается энное количество рассказов, ожидающих своего читателя. Вас ждёт встреча с героями, в которых вы, вполне вероятно, можете узнать своего знакомого или коллегу по работе. Ведь мы все живём на одной и той же планете, дышим одним и тем же воздухом, и всем нам присущи человеческие слабости. Только одни из нас предпочитают бороться с ними, не идти у них на поводу, другие же, напротив, отпускают вожжи и стремглав несутся, не разбирая дороги. К чему это может привести, все мы, так или иначе, догадываемся, но не напрасно в Священном Писании нас предостерегает такое предупреждение: благими намерениями вымощена дорога в ад. Порою не просто догадываясь, а даже будучи уверенными в исходе, некоторые из нас продолжают заведомо

порочный путь, путь в никуда. Таковы герои произведений «Ночные тати», «Ты только мой». Правда в последнем произведении страдает совсем невинный человек.

Ну, и на десерт, несколько поэтических произведений на вольные темы, затрагивающие практически все стороны нашего бытия. Насколько удачны пробы пера, Вам судить, дорогой читатель.

Увлекательного чтения, Уважаемый читатель! Отзывы по произведениям можно отправлять по адресу:

askolddegerso602@gmail.com

И загляну в твои глаза

Не столь, искушённый в расписании маршруток, я шёл на автобусную остановку в надежде перехватить свой «десятый» номер, по моим наблюдениям, именно в это время проезжающий здесь. Солнечный диск, устав за день, совершая свой привычный путь с востока на запад из года в год, столько веков с начала мироздания, уже зацепился краем за линию горизонта, окрасив небо в розовый цвет, и холод ночи, как это обычно и бывает зимой, заметно окреп.

Мёрзлый утоптаный снег скрипел под ногами, и по звуку шагов совсем не представляет труда угадать человека, идущего вослед за тобой. Если поступь лёгкая, стремительная, значит молодой человек спешит куда-то, возможно на свидание с любимой девушкой или ещё куда, если же в такт шагам отстукивают каблочки, значит девушка, а тяжёлая поступь определённо выдаёт мать семейства, что с полными авоськами в обеих руках возвращается с работы и по дороге домой, зашла в магазин.

Лёгкий декабрьский ветер, нёс мне навстречу обрывки бумаг, разорванные обёртки шоколада, словно упрекая меня в безалаберном отношении к своему городу, но вынужден признаться, подобных грехов за собой не замечал. А вот подход большинства горожан и вправду к своему жилищу, мне никогда не нравилось, как не нравится душливый смог

по утрам, нависающий чёрной тучей над городом; тяжёлый бензиновый запах, обдающий от проезжающих машин и на какой-то миг, перехватывающий дыхание и к чему я так и не смог привыкнуть, но... деваться некуда, и я как-то со временем смирился со всем этим, изредка выезжая за город с друзьями, побегать и покататься на лыжах, а то и просто побывать на природе, отгораживаясь от суеты.

Мысли беспорядочно роились в голове, то удваиваясь, а то и сливаясь в одну линию: скорее бы домой и вот так неспешно, я подошёл к платформе, поприветствовал, как всегда, ожидающих автобуса, попутчиков. В эту минуту, то ли испугавшись чего-то или кого-то, а возможно и холод тому виной, воробы, подняв гвалт, оживлённым чириканьем, взмыли в воздух и вскоре исчезли в сумерках.

Попутчики, не обращая ни на кого внимания, поглощённые беседой, продолжали обсуждать свои заботы, попеременно ругая политику и депутатов, приправляя острым словом негодования по поводу роста цен. В любой российской стороне, будь то в глубинке или столице, мы как были совками, так ими и остались – с остервенением требующими перемен и с ужасом, ожидающими их.

До приезда автобуса оставалось ещё некоторое время, это я понял по ожесточённой полемике собеседников рядом с тобой, что заходили всё глубже и глубже в своих аргументах.

Что-то заставило меня обернуться, и я невольно замер.

Не столько глазами, сколько интуитивно я увидел её. Она стояла у противоположного края платформы и так же, как я, как остальные, ждала автобуса, а он, как назло всё никак не появлялся. И не было в ней ничего особенного, тех черт, описанию которых порою до трёх-четырёх страниц отводили великие классики русской литературы Куприн и Лесков, Тургенев и Бунин, с упоением восхищаясь их соразмерностью, благородством; и не было вызывающей эротичности, коей столько строк посвятил другой классик В. Набоков, и которую активно эксплуатирует Голливуд вот уже на протяжении скольких десятилетий.

Обычная городская девушка, живущая рядом, а возможно и на другой окраине города, с кем, может статься, мы встречаемся каждый день, а однажды чуть не хватаемся за голову от нахлынувших чувств и её слов: «Я замужем», в ответ на нескромный вопрос: девушка, можно с Вами познакомиться. Именно в этот миг, я подспудно почувствовал неясное, ещё зыбкое, словно в тумане, внезапно возникшее состояние мира – чувства, захватившего меня всего. Долгое пальто, подчёркивающее её стройную фигуру, неглубокими складками ниспадающее до щиколоток, едва не прикрывая носки сапожек на высоких каблуках-шпильках.

Стильно и со вкусом повязанный шарф дополнял весь её облик, а слегка подведённые тени усиливали красоту её золотисто-карих глаз. И так доверчиво наивно смотрели на мир эти большие карие, схожие с оленьими, глаза из-под длин-

ных загнутых ресниц, что я невольно залюбовался, глядя на неё, и забыв обо всём на свете. Выбившуюся прядь волос, из-под шарфа, трепал ветер, она погружена в одной ей ведомые мысли, казалось, этого совсем не замечала.

И было во всём этом зрелище что-то мило трогательное, нечто ускользящее и завораживающее, как узор в калейдоскопе, где каждый поворот вокруг оси создаёт новый узор, ещё прекраснее, нежели секунды назад. Не только взгляд, но и душу способен мгновенно оценить и понять, наверное, только художник с тонкой и чувствительной душой.

Взять хотя бы картину «Незнакомка», где кисть гениального художника смогла передать всю гамму чувств дамы, не произнося при этом ни единого слова. И к чему они? Сейчас же в таком положении находился я, но ни мольберта, ни тем более кисти и палитры с собой у меня нет, да и толку от них на морозе.

И надо же такому случиться, что в эту минуту подъехал автобус и из раскрытых дверей начал выходить народ, разделяя платформу на две половины, при этом окутывая паром. И этого мгновения оказалось достаточно, чтобы потерять её из виду. Платформа в следующую секунду была пуста, если не считать меня и ещё пару запоздавших пассажиров. Только теперь я заметил, что проглядел маршрутный номер автобуса, уходящего по вечерней улице и, уносящего мою мечту.

Нет, я не укорял себя за это, разве теперь что-либо исправить, но было жаль, до обидного жаль, что вот так она уеха-

ла, оставив меня в полном неведении, с зароненной в сердце тоской по любви и пониманию. Уже тогда я понял, правда несколько поздно, что она, та, которую я тщетно пытался найти, чей образ столько времени носил в душе, хранил в сердце, она... она жила здесь, в городе, и причём всё это время.

Тут подошёл мой автобус и со своими невольными спутниками я прошёл в салон. Как ни странно, в салоне было тепло, может быть, от того, что я вошёл с холода, а возможно водитель оказался человеком хорошим, в-третьих, же люди вокруг стояли приветливые или мне, влюблённому всё это привиделось. За окном же, ветер по-прежнему нёс по улице обрывки бумаг, сверкающих в свете фонарей, попутно срывая пожухлые, посеревшие чудом, удерживающиеся до сих пор листья с кустарников.

По обе стороны улицы сверкали неонем витрины, привлекающая запоздалых горожан, яркими упаковками товаров или одежды, ладно сидящей на манекенах, что днём и ночью, взирают на нашу суетную жизнь своими стеклянными глазами. Вот ярко-красным светом манит к себе неоновыми буквами: «салон-парикмахерская Ассоль и Грей», при виде которой в памяти оживают героини повести А. Грина «Алые паруса», которой зачитывается вот уже сколько поколений, и наверняка, каждый мальчишка, читая книгу представляет себя капитаном, о дальних странах, бескрайних морских просторах, едва его глаза начинают скользить по строчкам:

ветер, хлопающий парусами, загнанной птицей, деревянная обшивка корабля, стонущая под натиском бурных волн, солёные брызги, что иногда долетают на мостик – всё это живо проносится, заполняя воображение.

И каждый мечтает встретить на берегу свою Ассоль, тревожным взглядом, высматривающую на горизонте алый шёлк парусов... Напротив расположилась вывеска казино «Таро», пробуждающее в человеке совсем иные устремления. И всюду неон, неон. Навстречу нам ехали машины с приглушенными фарами, кто-то возвращался с работы, другой же, возможно, едет в гости к кому-то, в окнах домов зажигался свет, словно приветствуя, надвигающуюся ночь.

На следующий день, и после, я тщетно пытался встретить, увидеть её, надеялся, что где-то промелькнёт её милое лицо, ещё не испорченное хамством, завистью, лицемерием, да и мало ли в нашей жизни такого, что может заставить нас стать другими, стать монстрами. Остаться благородным в жестоком обществе задача подчас непосильная, и порою легче крикнуть: «остановите землю. Я сойду!», нежели бороться с невидимым врагом, живущим в нас самих, но от этого не менее опасным.

Сколько требуется усилий ежедневно, чтобы выкорчевать из своей души монстра, чтобы быть чистым в помыслах. Не возвращению ли хороших качеств нас учат и призывают как философия востока, так и вся мировая религия.

Напрасно я всматривался в прохожих, в людей на авто-

бусных остановках, в торговых залах салонов, убеждал себя, что вот за этим перекрёстком встречу её. Наверное, так ждут обещанного чуда, которое должно произойти. Но по какой-то неведомой причине, оно запаздывает, запаздывает, как всегда. Иначе, зачем всё это?

Все эти поиски, метания, будто рыба, выброшенная на берег, в страстном и жизненно важном желании снова оказаться в родной стихии, в водной среде. И разве любовь, не стихия, не океан, что должен бы окружать человека, не самая ли главная заповедь гласит: «Бог – есть любовь», а всё, что нас окружает и есть Божий промысел. Поэтому, да иначе и быть не могло, я всегда верил, что Бог благоволит страждущим, верящим. И видимо, по этой причине Провидение осчастливило меня, преподнеся ещё одну встречу, которой я уже отчаялся дожидаться – словно дал ещё один шанс.

Произошло же всё на той же остановке, когда я в ожидании автобуса закуривал сигарету. Из подъехавшего автобуса выпорхнула она, в том же долгополом пальто, но теперь на её голове красовалась вязаная шапочка. Морозный воздух донёс до меня аромат чарующих, но незаслуженно забытых духов «Шахерезада». А что именно «Шахерезада», я нисколько не сомневался, своеобразность и исключительность, выбивающая их из ряда однотипных, советских духов, ставящий наравне с французским парфюмом.

Тот же лёгкий макияж, выдающий молодых девушек, ценящих юношескую свежесть и знающих цену вещам, но при

этом не стремящимся походить на фарфоровых кукол, которыми изобиловали торговые дома купцов XIX века и иметь дома, хотя бы одну из них, почиталось особым шиком и приближенность к культурной аристократии. В эту минуту, не раньше и не позже, мне представилась совсем иная картина...

Деревья, карета с золочёной резьбой, будто из сказки, лошади все покрыты инеем: струящиеся гривы лошадей, всхрапывающие ноздрями и с каждым новым вдохом и выдохом в воздух, поднимается облачко пара, что, застывая на морозном воздухе, переливается тысячами бриллиантов. И она... легко и непринуждённо покидает карету, запряжённую в шестёрку белых лошадей.

Не знаю, почему именно белых, видимо сказывался юношеский максимализм, изрядно подпитанный историко-приключенческой литературой, коей тогда я питал особую страсть, но сомнений быть не могло: это были именно белые, ухоженные, нетерпеливо переминающие ногами, лошади. А она, вложив свои прелестные ручки в соболью муфту, с румянцем на щёчках, несмело ступает на невесомый снег, укрывший землю пушистым белым покрывалом. А вокруг, звенящая на сотни метров тишина, нет-нет да, прерываемая стрекотом вездесущих сорок, да похрапывание лошадей...

Бензиновый запах рассеял моё видение и вернул меня к реальности. И всё же, пусть я и не был теперь застенчивым подростком и за плечами имел пусть и не столь богатый,

как у большинства своих ровесников, но всё же опыт общения с представительницами прекрасной половины человечества; здесь и сейчас я робел, то ли этому способствовал ореол детской незащищённости девушки, весь её облик, то ли ещё по какой причине, но я боялся подойти к ней, заговорить, а сердце умоляло об этом, мозг же неотступно твердил: она не для тебя! И в этот миг я испугался.

Точно так же стоят у отходящего поезда с билетом в руках и растерянно гадают: ехать, не ехать, и вот-вот проводница закроет дверь, а ты стоишь и смотришь, и не знаешь, что лучше – ехать или остаться, пока невидимая сила не подтолкнёт тебя к вагону. В таком же состоянии я пребывал сейчас и лишь подгоняющий страх, что она уйдёт, растворится в толпе, и после, когда-нибудь, я буду горько сожалеть, что не подошёл, упрекать, что не заговорил и уступив велению сердца, робко сделал первый шаг, затем второй.

– Добрый вечер, милая незнакомка, – первое, что пришло в голову, выпалил я, да и по правилам приличия требовалось приветствовать собеседника в начале разговора или знакомства. И чтобы продолжить начатое, потому как отступить было уже поздно, совсем нелепо я спросил:

– Девушка, мне по секрету доверительно предложили сходить в уютное кафе «Алые паруса». Но, к сожалению, я абсолютно не знаю, где оно находится. Вы мне не подскажете, случайно?

– Как Вы сказали, кафе называется? – видимо, она бы-

ла погружена в свои мысли, и мой вопрос некстати, застал её врасплох или я из-за волнения невнятно пробормотал, но уже то, что она ответила, хотя и всего лишь вопросом на вопрос, уже сулило надежду, пусть смутную, но всё же надежду.

– «Алые паруса», – повторил я.

– Ах, да, «Алые паруса», паруса..., почти, как у Грина... Простите, но в нашем районе такого кафе, кажется нет, разве если только новое открыли...

Для меня уже не имело значения, есть кафе или нет, да и тем более это был всего лишь повод завязать знакомство, главное, она не ушла сразу, осталась.

– Девушка, – я, осмелев на следующий шаг, решил, что она не откажется ответить, и обратился к ней полувопросительно:

– А Вас не Леной зовут?

– Вы угадали, – она ступевалась, и краска смущения проступила на щеках, и она не решалась, как ответить, или мне это привиделось, – или заранее знали?

– Возможно, что и угадал, впрочем, какое это имеет значение, -отшутился я, – и почему бы такой милой девушке не быть Еленой Прекрасной?

– В таком случае, если моё имя для Вас уже не представляет тайны, то мне хотелось бы, чтобы и Вы также, назвали своё имя, если это не представляет государственной тайны, – она не спешила переходить на дружеское «ты», но го-

лос, особенно тембр голоса, говорил, что ей приятно наше знакомство и она ничуть не тяготится моим обществом.

– Антон.

– Фамилия не Чехов? – она пристально посмотрела на меня, повернув голову в мою сторону. – А ведь так похожи, прям одно лицо, если ещё пенсне добавить к Вашему лицу. Мы уже несколько минут шли рядом по тротуару, и, хотя я совсем не знал, куда мы идём, вернее будет: она знала куда, но не понимала, почему я плетусь рядом с нею, и до сих пор не отстал. Она вдруг улыбнулась своей догадке, и пленительная улыбка чётко обозначила ямочки на щёчках, и пауза прервалась вопросом ко мне:

– Антон, а куда Вы идёте, если не секрет? Вы же, кажется, искали кафе?

– Сейчас провожаю Вас, на улице вечер и мало ли что. А что до кафе, разве быть рядом с Вами, в Вашем обществе не лучше любого кафе?

– Простите, но я Вас провожать не просила, – она не успела закончить фразу, ибо её мысли решил я завершить, обернув в свою пользу:

– Джентльмены об этом догадываются сами...

– Ну вот, мы уже почти, что и дошли.

– Благодарю, правда жаль, что так скоро, и мне остаётся всего лишь пожелать Вам приятного вечера, и если даже покажется нескромным, но я всё-таки спрошу:

– Лена, мы можем завтра увидаться?

– Благодарю в свою очередь, что проводили, а что до завтрашнего вечера, так ведь даже утро ещё не наступило, isn't it?

Это удача и успех. Я на обратном пути лишь только не летел, даже если сие звучит высокопарно, но меня несли крылья любви маленького Купидона, милого розовощёкого шалуна, любителя поражать людские сердца своими отравленными любовью стрелами. Вестника любви, что в сущности, не столь большую разницу составляет, и даже декабрьский мороз меня ничуть не задевал, а скорее наоборот: вдохновлял. Возможно, благодаря таким вот исключительным встречам мы имеем счастье наслаждаться гениальными произведениями Толстого и Пушкина, Мандельштама и Асадова.

Но даже их гению неподвластным оказалось передать всю ту гамму чувств, какие наполняют сердце, в котором поселилась любовь и именно это заставляет каждого влюблённого братья за перо и рифмовать строки, когда удачно – и мир чувствует нового гения-поэта, а когда не совсем, они так и сгорают, в глухой и тёмной ночи, всего на миг, осветив лицо их автора.

И на следующее утро я проснулся, полный желаний творить, созидать и ничто не могло бы испортить мне настроения, настолько я был воодушевлён.

Неимоверных усилий стоило мне дожидаться вечера, хотя и целый день я мазок за мазком копировал портрет с работы Врубеля, создавал то ли шедевр, то ли рядовую мазню, какую

можно встретить в любом художественном салоне. Но вот, стрелки часов, совершив круг, сомкнулись на цифре семь.

Наскоро собрав кисти, я отправился домой, дабы переодеться, поужинать и уже по дороге вспомнил, что второпях, не успел побриться.

Вся эта суета заняла у меня около получаса, и вот при «полном параде» я уже ехал на встречу к ней. По пути к её дому, я завернул в салон «Цветы», благо их развелось на каждом шагу, где милая флористка на мою просьбу собрать композицию- букет «Первый вечер», в считанные минуты скомплектовала изысканный букет из белых роз, каллы и лилий, обравив всё это аспарагусом. И мне ничего не оставалось, кроме как поблагодарить, и оплатить стоимость букета, прежде чем он окажется в вазе с водой, в уютной квартире, где не страшны никакие холода.

Интуитивным чутьём, каковое всегда сопровождает людей творческих, живущих своим сознанием в далёком будущем, я угадал её этаж и если то, что я ошибся дверью квартиры, назвать небольшим конфузом или сослаться на волнение, всё шло прекрасно.

На звонок, имитирующий трели соловья, послышались приближающиеся шаги, поворот ключа в замочной скважине, и вот дверь открылась, и к моему изумлённому взору предстала она. Её лучистые, большие, золотисто-карие глаза излучали флюиды любви, оседающие в моём сердце.

– Привет, Леночка. Добрый вечер.

А в голове сами собой всплыли слова из песни, услышанной когда-то давно, но до сих пор разрывающие душу своим проникновенным звучанием:

Хрусталь и шампанское, пламя и лёд
Кто так не любил, тот меня не поймёт.

Хрусталь и шампанское, смех и печаль,
А тот, кто любил, пусть наполнит бокал...

А может быть, песня доносилась из квартиры, хозяйка которой стояла передо мной...

Родная кровь

Они выросли в разных мирах, что нисколько не отдалило их, а возможно, что и сблизило братьев, родная кровь всё же одержала верх. Почему в разных? Так уж распорядилась судьба, играющая с людьми в свои игры, словно на шахматной доске,двигающая фигурки. Старший Иван, после гибели родителей в автокатастрофе, виновник которой так и не был установлен, как не нашлось и очевидцев, на тот момент пятнадцатилетний подросток, остался с бабушкой, а младшего – Игоря, десяти лет от роду, несмотря на настойчивые просьбы, обращения, определили в детский дом, с его правилами и традициями...

Тот день навсегда запечатлелся в памяти, в глазах Ивана: два гроба в доме, два креста на улице, плачущие люди в огромном количестве в их небольшой квартире. Он понимал разумом, душой, что произошло непоправимое, но слёз не было, как не будет их и потом, по прошествии нескольких лет. Душа словно застыла в непонятном оцепенении, в другом измерении...

Прошло время, Иван умудрился взять опеку над братишкой, благо от службы в рядах вооружённых сил его комиссовали и, раскинув не по-детски взрослым умом, что

дома ему будет значительно лучше.

Да только вот, одно дело его решение и другое братишка: выросший в среде детдомовщины, не в меру оказался лжив, изворотлив, одним словом – себе на уме. Да и плюс ко всем этим недостаткам, он не видел разницы в моём и твоём, и запросто мог взять чужую вещь без спросу, а отвечать же приходилось Ивану. И никакого желания меняться в лучшую сторону не наблюдалось. Бывало, брат позовёт его, а он: – Лады, – и никакого уважения.

Точно также вёл он себя, если брат обращался с просьбой помочь, или ещё по какой надобности. Но одно он усвоил прочно: брат всегда выручит. Чуть ли не через день клянчил он у брата деньги, всегда находя безотказную причину. Так бы оно, может быть и продолжалось, если бы время было неподвижной, мёртвой субстанцией. Как – то, Игорь, придя утром, подошёл к брату: – Братан, я нашёл женщину своей мечты. Свою любовь, так сказать, ну ты понимаешь меня...

Иван поначалу ошалел, а затем оценивающе посмотрел на него: врёт, чтобы деньги клянчить или всерьёз? Да только разве угадаешь их? Они такое способны наплести, что к концу рассказа, сами же недоумевают: выдумал или действительно так и было?

– Ну хорошо, Игорь, рад за тебя, поздравляю, от души, –

только и нашёлся ответить.

– Да ничего. Я что хотел – то? Я к ней уйду жить, – ещё раз ошарашил братишка, и без того потерявшего дар речи, брата.

Было чему удивляться: нигде не работает, никаких доходов, стало быть, – пусть даже случайных, жилья своего нет, и на тебе – семью решил создать. В это и верилось, и не верилось.

Утешало одно: наконец – то он перестанет досажать своими просьбами. Хотя и закрадывалось сомнение: а что «если»? Иван прочь гнал от себя последующие мысли...

Вечером того дня, Игорь позвонил и сказал, что он у неё и к нему не придёт. Дни сменяли ночи, ночи сменялись утром и таким образом прошёл месяц, другой. Игорь иногда звонил, интересовался, внешне казалось, всё нормально.

Иван, выбрав день, решил навеститься к молодожёнам. С одной стороны, всё – таки братишка, с другой – а как он всё же там, на самом деле?

Накупив гостинцев, он направился по указанному адресу, что в реальности оказалось через два квартала.

Поднявшись на третий этаж, он нажал кнопку звонка,

на редкость, в этом обветшалом доме, исправный. За дверью слышались неторопливые мужские шаги, звук отпираемого замка.

Дверь раскрылась наполовину и перед ним возник образ пятидесятилетнего мужчины, как для себя определил Иван, который без обиняков спросил, насколько не заботясь о приветствии: – Вы к кому?

– Здравствуйте, – поправил его Иван, – я к Игорю. Брат его.

– Брат? Он вообще – то не говорил за вас, ну что ж... входите, – всё ещё переваривая в голове полученную информацию: верить, не верить, мужчина открыл дверь пошире.

– А что? Его нет дома? Если так, может не стоит? – не удержался Иван от вопроса.

– Нет. Но вы -то? Раз уж пришли, нехорошо, уходить вот так, сразу, – сконфузился мужчина, – к слову, я отец Лены, Сергей.

С двойственным чувством Иван нерешительно перешагнул порог квартиры. Привычный взгляд обывателя, определил, хозяева среднего достатка, особо не шикают. Да

и по входной двери было заметно последнее.

– Пройдём на кухню?

– Хорошо.

На кухне Иван выставил на стол гостинцы, бутылку водки, непременный атрибут гостя, при виде которой в глазах хозяина блеснули искорки и недолго думая, он поставил две рюмки, достав из настенного шкафа.

Иван раскупорил бутылку и налил по пятьдесят грамм, «пьяного легче разговорить» – сама собой откуда – то пришла спасительная мысль.

– Значит... За знакомство?

– За знакомство, – поддержал Иван, отправляя водку в себя.

– Да вы закусывайте, – Сергей, открыв холодильник, достал колбаски, споро нарезал хлеб. – Так вы, брат Игоря? – ещё раз не преминул спросить он.

– Ну да, – подтвердил Иван.

– Вчерась, он поздно пришёл, долго о чём – то, то ли говорили, то ли ругались. Сегодня вон тоже, как в воду канул. И Лена тоже припозднилась, – вслух начал размышлять Сергей, после третьей стопки.

– Ну, может, на работе задержалась?

– Всяко может быть,...

Вдвоём за беседой они опустошили бутылку, и так и не дождавшись никого, Иван ушёл.

Утром он ещё раз позвонил Игорю, но телефон молчал. Лишь ближе к вечеру, раздался долгожданный звонок. Звонил братишка, извинялся за вчерашнее, оправдывался, находя якобы веские причины своего отсутствия. Но что – то едва уловимое, неестественное было в его голосе, как и во вчерашнем тревожном состоянии.

На все уговоры разъяснить, ни слова. Иван внутренним чутьём уловил, что у Игоря проблемы, при этом весьма серьёзные, он с трудом находил слова. На другой день у самого не заладилось на работе, и как он ни желал, а разговор с Игорем отложился на неделю.

Он поехал к нему без предупреждения, уверенный, если узнает, постарается избежать, как встречи, так и разгово-

ра. И вправду, ему удалось застать его дома. Игорь открыл ему дверь сам, но с каким – то загнанным вглубь страхом. Но только глаза, глаза выдавали его с головой. Этот страх поселился в нем и жил своей жизнью. Ничуть не церемонясь, на правах старшего, Иван усадил его на диван и попытался разобраться в причинах и следствиях страха.

Братишка увиливал, переводил разговор на другую тему, тщетные попытки Ивана разбивались о непробиваемую стену, которой отгородился Игорь. «Возможно Лена, что-то да знает?», но с Игорем своей мыслью делиться не стал. Пусть отмалчивается, он найдёт способ узнать, что же на самом деле с ним происходит и приветливо, как ни в чём не бывало, распрощался и ушёл, раскручивая в голове свой план действий.

Не откладывая решение проблемы, он набрал номер мобильного Лены, непредусмотрительно предоставленный ему Игорем и стал ждать ответа. На его счастье, на дальнем конце шли долгие гудки. После пятого ли, шестого, Лена ответила на вызов. Иван поздоровался, поболтал о пустяках, перед тем, как завести серьёзный разговор.

Лена, как она сама призналась, тоже заметила перемены в Игоре, но природе его поведения не в курсе. Лишь обронила, что как – то к ним подъехали на иномарке, но зачем, почему, знает только Игорь. В маленьких городках, хоть и немало

нынче этих иномарок, но друг друга практически все знают, если не в лицо, то понаслышке. И зацепившись за неё, как за спасительную соломинку, Иван спросил: – Какого цвета машина? Как выглядели они?

В ответ Лена отметила некоторые детали, но по ним едва ли что можно выяснить. И будто её осенило, она сказала, что к одному из сидевших в салоне машины обращались то ли «Вайгач», то ли «Тайга». Вот это уже что – то. Разум усиленно начал ворошить в закоулках памяти в поисках кого – нибудь, кто из друзей, знакомых вращается в этих кругах или немного сведущ. Вся концентрация мысли сводилась к поиску. На том конце Лена из – за долгого его молчания, сбросила вызов.

Память не подвела. Всё же после упорной работы мысли, выцепила одного из знакомых, работника автосервиса. «Так, значит у нас что – то да есть», – улыбнулся он своей маленькой победе Иван, пусть и не столь существенной.

Он набрал на мобильнике номер телефона приятеля, но уже через секунду дошёл до слуха ответ оператора: набранный номер временно недоступен. Позвоните позже».

Та же история повторилась и позднее и, уже не рассчитывая дожидаться ответа, Иван решил лично навеститься. Особо не надеясь на успех, знакомый не задерживался подолгу

на одной работе и частенько менял место работы, он поехал в автоцентр «Пит – стоп».

Пренебрегая просьбами своего организма подкрепиться, он поехал, поскольку проблемы братишки считал важнее. На его счастье приятель оказался на месте, а что до телефона, так он номер месяца полтора назад ещё поменял. Как сам объяснил, телефон украли, а сим – карту заблокировать не стал, просто купил новую.

– Что привело, Вань? Проблемы какие? Как твоё жили – были? – засыпал он вопросами.

Иван посудачил о том о сём, поговорил о друзьях, как – никак давненько не виделись, и лишь потом спросил, и то косвенно: – Санёк, у нас в городе много «Toyota»?

– Смотря каких? С нуля, так всего две, – ответил Саня.

– Не, подержанные.

– Купить хочешь?

– Вроде того... – схитрил Иван.

– Так никто, по-моему, продавать не собирается. Есть

«Ford», «BMW», – знающе посоветовал приятель. – А, может быть, что другое?

– Знаешь, Санёк? Между нами, тебе знакомо погоняло «Вайгач» или «Тайга»?

Тот прикрыл глаза в задумчивости, нахмурившийся лоб говорил о глубокой работе мысли. Иван тем временем, вытащив пачку, закурил, выпуская в небо, облако дыма.

– Не, вспомнил. А что собственно, это тебя интересует?

– Да так.

– Хорошо, узнаю или вспомню, отзвонюсь. Номер – то прежний?

– Я что, на проститутку похож?

– Ладно, не менжуйся, я так спросил.

Они расстались и уже через два дня у Ивана имелась наводка и на «Вайгача» и на «Тайгу», что несколько путало карты, потому как ни у одного своих колёс не было.

Звонить же напрямую, смысла нет. Иван извинился перед Санькой, что напрягает, но всё же не смог бы он узнать, что – либо за них. Приятель по старой дружбе не отказал. За Саней же, чтобы обещал и не сделал, никогда не наблюдалось и вскоре он действительно позвонил и поведал следующее: – За «Тайгой» ничего, чисто, а вот «Вайгач» на днях заезжал с ребятами в автосервис на чёрной «Toyota». Нет, «Toyota» не его, он на заднем сиденье был... – он что – то ещё говорил, но слова пролетали мимо ушей Ивана, прорезая пространство.

Время шло своим чередом, и, устав дожидаться ответа или разъяснений, Санька заглянул вечером к Ивану. Дверь открыл он сам. Без лишних предисловий, Иван провёл друга в зал, принёс бутылку со всеми принятыми к этому случаю атрибутами, что не вполне соответствовало характеру Ивана. И что бросилось в глаза Саньки, пальцы у него подрагивали, вернее даже не сами пальцы, а кончики пальцев.

Он и представить себе не мог. Что в ту минуту, когда позвонил в дверь, Иван загнал обойму в пистолет и... звонок в дверь заставил его убрать оружие в сторону. И сейчас, разливая водку, Иван думал не о спиртном, а об Игоре, его проблемах. Чувство братства, несмотря на ошибки младшего, на его вину, преобладало в душе. И вот он, опрокидывая стопарик раздумывал, как более разумно сделать. К счастью или

нет, Санька не задержался, пожелав спокойной ночи, ушёл. Назавтра же выходной день.

Иван, по пробуждении, ещё раз проверил ствол, переделанный из газового под стрельбу боевыми патронами, осмотром остался доволен. Мысли, что придётся применять по назначению не было, а припугнуть в самый раз.

Но сначала надо идти к Игорю, узнать где можно застать этих братков или по меньшей мере, где он с ними встречался.

Ни на звонок в дверь, ни на стук никто не отзывался, хотя насколько можно предположить, Игорь в это время бывал на ногах. Иван, выудив из кармана телефон, набрал номер, слышались долгие гудки, но принимать вызов никто не спешил.

Сбросив вызов, он наскоро набрал сообщение: «Игорь, это я. Открывай». Бесцельно прождав минут пять, он набрал второе сообщение: «Лена, это Иван. Открывайте дверь или я её просто вышибу». Через секунду пришло уведомление о доставке. Иван ещё раз постучал. На сей раз за дверью раздались шаги и приблизившись: – Кто это? – спросил женский голос.

– Иван.

Его нехотя пустила Лена, ещё заспанная, именно про таких говорят: «заснуть есть с кем, проснуться не с кем». В другой раз может это и стало бы его раздражать, но в данную минуту, его мысли заняты совсем другим. Безо всякого спроса он прошёл в спальню и дёрнул братишку за плечо.

– А? Что? – передёрнулся тот весь, в страхе.

– Разговор есть. Вставай.

– Какой разговор?

– Такой! – Иван рывком, сам удивляясь невесть откуда взявшейся силе, поднял его на ноги. – Выйдем... Не надо, чтобы ещё Лена об этом узнала.

– А у меня от жены секретов нет, – попытался отмахнуться тот, но Иван его уже вывел в коридор, намереваясь пройти на лестничную площадку. И, уже стоя там, Иван прямо задал вопрос:

– На сколько ты торчишь?

– О чём ты, братан?

– Игорь, я пришёл не шутки шутить? А они тем более... – его желваки заиграли, выдавая его напряжённость.

– Не знаю, – не глядя в глаза, ответил братишка. – Они говорят, стольник.

– Где живут? Кто за ними стоит? Знаешь?

– Живут, знаю, а про крышу нет. Они при мне не говорили.

– Назови адрес...

Иван, роясь в памяти, пытался определить, где находится улица, но тут на помощь подоспел сам Игорь:

– Это на Поле Чудес.

– Ладно. В общем... – он многозначительно промолчал и добавил, – будь дома. Никуда не дёргайся, сам позвоню. Понял,... шакал?

– Понял, – обиженно ответил тот.

Иван, не теряя больше ни минуты, скорыми шагами пошёл вниз. Он знал, куда, зачем и главное, как надо идти. Правда пожалел, что ствол в последний миг оставил дома.

Мысли далеко опережали физическую сущность, обременённую ступать по земле.

На повороте у светофора, он заметил сворачивающую машину с жёлтой фишкой и махнул рукой. Но водитель то ли не обратил внимания, то ли ехал по вызову, но пролетел мимо. Ругая водителя, он скорыми шагами шёл в сторону коттеджей.

Утреннее солнце несколько слепило глаза. Погода, казалось застыла в ожидании его действий. Листья на деревьях повисли, сказывалось, конечно же, долгое отсутствие дождей. Трава и та пожухла.

Иван прошёл полдороги, когда перед ним остановилось такси, высаживая пассажиров. Он, разумеется, воспользовался представившейся возможностью быстрее добраться. Пятнадцать минут езды по раскалённым по раскалённому асфальту и вот девятка остановилась возле двухэтажного особняка, гордо возвышающегося среди одноэтажных домов.

Он вытащил столик и протянул таксисту, уже собрался покинуть салон, когда тот окликнул:

– Сдачу не надо?

Он не глядя, взял протянутую купюру и зашагал к калитке. Хотя дверь железную высотой до двух с половиной метров, едва ли можно так назвать. Но несмотря на внушительные размеры, она легко открылась под его рукой. Его взгляду предстала дорожка, вымощенная брусчаткой, альпийский газон и аккуратный ухоженный сад.

Словно завсегдатай, он уверенно зашагал в сторону дома. Уже подходя к дверям, он заметил кавказских овчарок, неусыпно следящих за ним. Поднявшись по ступенькам крыльца, нажал на кнопку звонка. Минуты три прождал, ожидая каких – либо шагов, снова нажал. На этот раз послышалась возня с замком и его взору выставился, не то чтобы амбал, но всё же внушительных габаритов, детина.

– Чё надо? – спросил он.

– Разговор есть, – так же без приветствия, ответил Иван.

– Хм... Разговор... Ну проходи, – сам с собой рассуждая как бы, пропустил его.

Комната, где он оказался, скорее походила на антикварный салон, нежели жилое помещение. Он ещё продолжал стоять, когда детина, кивнув на кресло с позолоченной резьбой, произнёс:

– Присаживайся, в ногах правды нет.

Иван присел.

Молодец, усевшись на диване, у дальней стены, оценивательно оглядел его с головы до ног и после произнёс:

– Чё пришёл – то?

– Игорь знаком тебе? – бросил Иван.

– Может и знаком. Я чё, с ними знакомлюсь что ли?

– Тот, кого на стольник вздёрнули...

– А, тот... Ну... Так что?

– Так то... бабла не будет. И не вздумайте пасти его...

– А ты что, Робин Гуд? Друг обиженных?

– Я всё сказал, мимо ушей пропустив издевку, ответил Иван, – сим откланиваюсь...

– Не спеши, я ещё не ответил, – только и произнёс детина,

как в комнате появились два качка/

– Так говоришь, всё сказал?

Били его умело, но не насмерть. Он не знал, сколько времени прошло, голова гудела, ссадины кровоточили.

– Короче, теперь уже не сто, а ...пол лимона. Выкиньте его, – только и промолвил хозяин.

Очнулся Иван у какого – то перелеска. Солнце, перешагнув зенит, клонилось на закат. «Долго же я пролежал», – пронеслась в голове мысль, прежде чем он решил пошевелиться. Всё тело отозвалось болью, но переломов к счастью не было. Он это сразу интуитивно определил. Собрал всю волю в кулак, всё же встал, преодолевая боль, и пошатываясь пошёл прочь.

«Ничего. Не всё коту масленица... И зря ты меня не завалил, ох, зря», – думал он по дороге, выстраивая ответную схему. Перед глазами ярким пятном мельтешил ствол, оставленный дома. Иван ещё не решил для себя, завтра он ответит или позже, но что ответит... Эта мысль смягчала боль от кровоподтёков и сладко грела сердце.

Кое – как добравшись домой, он сначала снял с себя всё, потом уже включил воду. Пока набиралась вода, он решил

провести ревизию своего тела.

«Лицо, хоть и разбито, не так страшно. Обидно конечно», – мысли кружились в голове растревоженным пчелиным роем.

... Утром, проснувшись как обычно в семь часов, он умылся, побрился начисто и вытершись, присел завтракать. Допивая чай, он уже раскидал ход своих дальнейших действий: от и до... Что последует за всем этим он тоже знал, но это мало его заботило.

Выйдя из – за стола, Иван накинул на себя куртку спортивную, в дорожную сумку положил обрез и застегнул на молнию: со стороны не заметно. Легко и беззаботно шагнул навстречу новому дню. Когда подошёл к особняку, время перевалило за полдень, как – то помимо воли отметил он, хотя оно в принципе никакой роли не играло. Он нажал на кнопку звонка и приготовился ждать.

– Чё пришёл – то? – спросил вчерашний амбал. К счастью или нет, друзья его отсутствовали.

– Хочешь знать, чё пришёл?.. – Иван выдержал паузу, в то же время расстёгивая молнию на сумке, – убивать тебя буду, паскуда...

В руках он держал обрез направленный на детину. На мгновение застыла мёртвая тишина, которую нарушил амбал:

– Стрелять – то хоть умеешь? – а у самого в глазах появились призраки страха, животного страха. Пуля, вылетевшая из одного ствола, со свистом вонзилась в половицу у самых ног хозяина коттеджа.

– Ты что? Я же пошутил... – не на шутку перепугался.

– А я вот не шучу, – Иван поднял ствол повыше и... грохнул второй выстрел.

Хозяин, дёрнувшийся было навстречу, откинулся назад. На белой маечке начало расплываться белое пятно.

– Не всё коту Масленица, бывает и Великий Пост..., – Иван тяжело опустил обрез и развернулся уходить. Уже будучи на дорожке, он услышал звук подъехавшей машины.

Листья жгут

А может быть, правы те, кто говорит:

– Лучше поздно, чем никогда?

К вечеру, ближе к моему возвращению с работы, в нашем небольшом посёлке, почтальонша – шустрая девчушка, лет восемнадцати – успевает разнести почту по ящикам и я, по устоявшейся многолетней привычке, непременно, прежде чем пройти к себе во двор, заглядываю в почтовый ящик. А всё из-за расшалившихся подростков, которые то ли от безделья, то ли из-за отсутствия воспитания, иной раз бросают в почтовые ящики зажжённые спички и от всей корреспонденции остаётся горстка пепла или в лучшем случае обгоревшие кусочки бумаги.

Вот и сейчас, ещё издали я заметил уголок бумаги, белеющий под крышкой почтового ящика. Открыв ящик, я достал немного примятый почтовый конверт с обилием оттисков. В последнее время я жил в ожидании ответа из издательства, куда отправил было рукопись. Но, прочитав адрес отправителя, я был немало удивлён и обескуражен, на месте адреса отправителя вместо издательства красивым женским почерком было выведено: г. Серебряный Бор.

О существовании такого города даже я узнал впервые, только в данную минуту, и вполне логично и естественно,

никак не ожидал получить письмо из этого города, разве что кто-то из моих родственников или знакомых переселился в этот загадочный город.

Хотя письмо меня и озадачило в немалой степени, ознакомление с ним и его прочтение я оставил на свободное время, а пока положил на полочку шкафа: у меня, как и у любого хозяина своего подворья, есть и более неотложные дела. Набрал воды в чайник, поставил на газовую плиту. Сказать по правде, из своих тридцати пяти лет, около десятка я провёл в различных служебных командировках.

И по долгу службы бывал я и в Бресте, что стоит на самой западной границе, и в Дальнереченске, расположенном на противоположном краю страны, встречающий новый день первым, но так и не смог вспомнить города с названием Серебряный Бор. Факт этот заинтриговал меня своей таинственностью и держал в своём плену до тех пор, пока чайник не издал пронзительный свист, возвращая к реальности. Выпив чашку чая, и всё ещё во власти этого письма, в тщетных попытках вспомнить этот город, я вышел во двор, дабы заняться делами по хозяйству.

Тот, кто живёт своим хозяйством, определённо поймёт меня; дорожки почистить от выпавшего за день снега, живность покормить, всегда найдётся забота для трудолюбивых рук.

В заботах и делах, я, наконец, забыл о письме. Завершив дела, и, войдя домой, поужинал и решил перед сном посмот-

реть новости, ну и, какой-нибудь из наделавших немало шума в последнее время фильмов, только лишь из одного желания: не отстать от жизни. Фильм оказался на самом деле интересным и так увлёк меня, что, отходя ко сну, я даже не удостоился вспомнить о полученном накануне, письме.

Я уже засыпал, но тут, словно вспышка перед глазами – Серебряный Бор! До сих пор, не оставлявший на завтрашний день то, что можно сделать сегодня, я встал, включил прикроватное бра и сняв с полочки письмо, вскрыл его. Тот же аккуратный женский почерк:

«Здравствуй мой далёкий забытый друг Валерий! – почерк бисерный, выписанный старательной девичьей рукой. – Возможно, ты ещё помнишь светловолосую девушку из города Серебряный Бор? Или, быть может, успел уже позабыть, ведь с той поры прошло немало времени, столько воды утекло в реках, а я же в свою очередь, не напоминала о себе. Вспоминаешь ли ты хоть иногда нашу любовь? Тогда, в то сказочное время, мне казалось, что я очень и очень счастлива, так счастлива, как никто другой в этом подлунном мире, сердце моё трепетало от наплыва чувств. Даже сейчас, вспоминая нашу любовь, сердце готово выпрыгнуть из груди.

Только одно омрачает мою память: слишком уж короткой оказалась наша любовь. Слишком уж скоротечной. А помнишь, как мы с тобой встретились впервые? Это было время, когда на деревьях распускались почки, и сочная зелёная листва предвещала наступление скорого тепла. Почему мы

расстались? Почему я никак не могу вспомнить о причине нашего с тобой глупого расставания? Или быть может не желаю помнить?

Этот вопрос преследует и мучает меня до сих пор, хоть и столько уже минуло лет. Вот и сегодня, возвращаясь с работы, и, проходя сквозь парк, в котором мы так любили гулять, я вспоминала о нашей любви и решила-таки написать тебе, может быть, ты помнишь – почему мы расстались? Ведь я так любила тебя, моего единственного мужчину, поскольку после тебя у меня так никого и не было».

Читая письмо, я почувствовал, что на мои глаза навернулись слёзы, хотя и никогда не считал себя сентиментальным, в горле застрял ком, перед глазами пронеслись дни моей бесшабашной молодости. Куда же они ушли, в какую сиреневую даль? Невольно на память пришли строки из песни:

...Ах, зачем, той любви в наказанье,

В сентябре листья жгут, листья жгут...

Я жалел сейчас себя, затерявшегося во времени, нашу любовь, которую так и не вспомнил, душа переполнилась нахлынувшими чувствами прошедшего.

Не дочитав письма до конца, отложил его и полностью предался воспоминаниям. Но при всём моём старании, как я ни напрягал память, так и не смог припомнить её имени. В своей жизни, как в прочем и все, я также был грешен – много любил, но только есть ли в том грех? Сколько девушек поверили моим мимолётным чувствам?

Не всех я помню по именам, к моему сожалению. Сон одолел меня. Спал я плохо, проворочался всю ночь с одного бока на другой. Утром встал не отдохнувшим, но на работе кое-как разработался и всё пошло своим чередом: с утра на работу, вечером обратно.

Прошло, наверное, дня три, не больше этого, когда я, вернувшись домой, снова обнаружил в почтовом ящике письмо. Обратный адрес тот же: Серебряный Бор. Прочитав письмо, я узнал многое из её жизни: она писала о себе, о своих переживаниях, немало строк отвела своей жизни. На ум невольно вкралась мысль: может быть мы и на самом деле встречались с ней?

Из подписи в конце письма я узнал, что её зовут Надя. Возможно, первое письмо тоже было подписано, но я не дочитал тогда до конца. Сейчас я знал, что письмо от Нади из города Серебряный Бор, что конечно же ни на сколько не приблизило меня к разгадке, не уменьшило число вопросов относительно неё.

В самом начале истории, до того, как получил первое письмо, я принял твёрдое решение распрощаться с одной из вредных привычек: бросить курить. Желание сие было сродни желанию перевернуть свою жизнь, как мне казалось. Но, выдержал ни больше, ни меньше чем три дня, поскольку события последних дней, выбили меня из колеи, на время заставив забыть о своей благой затее. Тем паче я получил третье письмо от Нади. Это письмо я прочитал «не отходя,

как говорится, от кассы», то бишь от почтового ящика.

Письмо начиналось следующими словами:

«Добрый день, Валерий. Это снова я. Пишу тебе потому, что не уверена, что ты получил два предыдущих моих письма. Ответных писем ты не написал. Валерий, в письмах я признавалась в своей любви к тебе. У меня душа разрывается от безысходности, оттого, что не вернуть нашу любовь, даже её тени, не вернуть тех дней, когда я была так счастлива с тобой. Наверное, своими письмами я напрасно тревожу тебя, ворошу прошлое, если это так, то, пожалуйста, прости меня, Валерий.

И всё же, прежде чем окончательно распрощаться, хочу напомнить о себе одну деталь: в твоих объятиях я вела себя, подобно грешнице, это то ты, может быть, вспомнишь? Хотя... Такой, наверное, в твоих объятиях была не одна я. Но всё же, милый, что мне делать со своей любовью? С нерастраченными чувствами? Зная, после тебя я так и не смогла полюбить другого человека. В каждом молодом человеке я искала тебя, но так и не смогла найти и вот решилась, решилась написать тебе, признаться в своих чувствах.

Я не знаю, что буду делать, если ты меня отвергнешь или не ответишь на мои письма. Просто по-человечески прошу тебя, Валера, ответь мне хотя бы что-нибудь: что ты жив-здоров, что так и не вспомнил: кто я, или что давно женат и благополучно, ну хоть что-нибудь, прошу тебя.

Валерий, подсажи, приоткрой завесу тайны: почему на-

ша любовь была столь короткой? – продолжала она, уже повторяясь, – подобно сухому хворосту, она занялась ярким пламенем и, обдавая пылким жаром, в мгновение сгорела, оставив угли, что до сих пор сжигают моё сердце. Это моё последнее письмо к тебе, моя последняя надежда, я высказала тебе всё, что хотела и возможно, даже больше этого. На прощанье желаю тебе счастья, удачи. С любовью Надежда».

Прочитанное письмо взволновало меня. Я вытащил сигарету и закурил. Хотя так и не вспомнил о Наде из Серебряного Бора. Отбрасывая недокуренную сигарету, я, видимо, замешкался и только сейчас заметил на земле небольшой белый квадратик. Подумав, что он мог выпасть из письма, я поднял его: фотография Нади. Да, она была красавица – блондинка с синими-синими глазами, которые явно с упрёком и укором смотрели на меня сейчас. Вспомнил! С Надей мы учились в одном университете. Теперь она живёт в городе Серебряный Бор.

Разумеется, о том, что город, где мы учились, недавно переименовали, я и представления не имел. Учитывая же, что у нас в последнее время просто вал пошёл с переименованиями, возможно, и внимания не обратил. Теперь я вспомнил и фамилию Нади – Драгомерецкая. После университета меня распределили в другой город, началась трудовая жизнь, полная интересных начинаний, командировки. Выходит, она осталась там же, где мы учились, а я не столь уж и давно вернулся в родные края.

Держа письмо с фотографией в руке, я присел на скамейку, закурил ещё одну сигарету. Надя была права, бесконечно права, мы действительно любили друг друга. Чувства к ней сохранились в глубине моей души, хоть уже и заметно приглушенные. В голове упрямо крутились строки из её письма. Я по-прежнему люблю тебя...

После полученного третьего письма с вложенной фотографией, в моей душе, словно что-то надломилось. Если до этого момента как-то всё устраивало меня в сложившейся жизни, где всё было, как будто, на своих местах, теперь чего-то стало не хватать. Как если бы что-то украли из моей жизни, что-то дорогое сердцу. Как-то иначе стало. Под другим взглядом что ли, начал смотреть я на свою жизнь. Что в общем-то было в моей жизни, если так здраво рассуждать, остановившись на минуту?

Бесконечные командировки, когда видишь жизнь через окна поездов и комнат общежитий или номеров гостиниц, перекусов на бегу или обхождений сухим пайком, когда лень было готовить лишний раз. А часто ли выпадает времени в командировках заниматься готовкой? Бывает, едва доползаешь до кровати утопаешь в сон, чтобы с утра всё по новому кругу. Надо благодарить Бога, что наделил меня крепким здоровьем, до сего дня не могу пожаловаться ни на какие проблемы в этой области. Но ведь, мало всего этого, ничтожно мало...

И нет-нет да, память стала напоминать мне о той любви,

костёр которой, казалось, навсегда потух и шальной ветер играючи успел разметать даже золу от него. Но нет, не всё так просто, оказывается в этой брэнной и суетной жизни, и как бы мы ни стремились заглушить прошлое, оно неминуемо даёт о себе знать.

Не может не давать, так уж устроено мировосприятие, как бы мы ни сопротивлялись разумом, есть ещё сердце, подчиняющееся совсем иным законам, совсем иному порядку. Те же физиологи до сих пор не могут дать полного определения этому важнейшему человеческому органу.

Вот так и со мною. Столько времени минуло с того времени, должно бы было забыться, стереться в памяти, но... этого не произошло. Строки из памяти вызывали воспоминания о той любви, о той юной и хрупкой девушке, в которую угораздило меня влюбиться. Иначе и быть не могло: она олицетворяла собою саму нежность, свежесть юности, мимо которой пройти можно, лишь будучи абсолютно бессердечным и чёрствым существом, для кого само понимание красоты непостижимое явление.

Словно из густой пелены тумана, – как в том мультфильме из беззаботного детства под нехитрым названием «ёжик в тумане», – всплывали фрагменты наших встреч; и порою я воочию представлял её, идущей по городу с глубоко запрятанной печалью в глазах. И в эти минуты мне хотелось сорваться с места, ринуться к ней, бросив всё, позабыв обо всём. Но держала работа, к которой успел привыкнуть, или

как принято выражаться: прикипеть душой, хозяйство, пусть и не ахти какое большое – всё это удерживало меня здесь. Да и прожитые годы тоже ведь запросто не отбросишь.

Иной раз, просыпаясь ночью, до самого утра не смыкал глаз, погружаясь в воспоминания. И прошло, наверное, не меньше месяца, а может быть и больше того, когда, пересилив себя, я сел за ответное письмо. Выведя первые строчки: «Добрый день, Надюша...», я к своему стыду, осознал, что не знаю, как дальше продолжить письмо. Если в школе, да и в университете после, редкое сочинение писал на четыре, сейчас я скорее походил на типичного двоечника, которому поручили подготовить реферат, предварительно лишив всех шпаргалок.

Как ни пытался я продолжить письмо, в голову ничего не шло. Я не мог определиться, как именно начать повествование своего письма, а лукавить, как ни странно, не хотелось и я вынужден был отложить сие занятие до следующего дня, руководствуясь русской народной мудростью: утро вечера мудренее.

На следующее утро, я, как обычно отправился на работу, где также мысли о письме продолжили преследовать меня неотступно, и к концу рабочего дня, я уже знал, о чём и как я буду писать. Вечером, вернувшись с работы, и, переделав все насущные дела, приступил к письму. Мысли мои, словно река, сорвавшая плотину, несёт свои воды, затапливая всё вокруг и, сметая на своём пути, спешили выплеснуться на бу-

магу и кисть с ручкой едва поспевала за ними. Исписав более четырёх страниц на одном дыхании, я решил передохнуть, собраться с мыслями и обдумать продолжение.

Как-никак, с того периода жизни прошло более чем достаточно времени и в моей жизни произошло столько событий: значимых и не совсем и нужно решить, о чём писать, а о чём просто благоразумно промолчать. Выйдя на крыльцо, я закурил; желание завязать с этой дурной привычкой как-то затерялось в лабиринте мыслей до лучших времён, что когда-нибудь, да наступят.

В случае, если всё-таки я решусь поехать. Мне необходимо кого-то оставить приглядывать за своим хозяйством, как-никак домашней животинке не объяснишь, что возникла непредвиденная ситуация и они некоторое время вынуждены будут поголодать. Они-то каждый день требуют свою норму кормёжки. И вот, пока я раздумывал обо всех этих вопросах и их решении, сигарета, дотлев, больно обожгла пальцы, вытаскивая меня из плена раздумья.

Наконец, завершив с письмом, я запечатал конверт, как первый шаг на пути к возрождению любви. Любви, что когда-то осталась в прошлом, но не забылась, не забылась несмотря на прошедшие годы, несмотря на расстояние, разделявшее нас, она подспудно продолжала жить в наших сердцах, ожидая своего часа. Наверное, точно так же зерно, брошенное в землю, ожидает наступления благоприятных условий, чтобы проклюнувшись, пустить свои корни и устре-

миться в рост.

Возможно, и правда в нашей жизни всё происходит в своё время и любые случайности, по-нашему глубокому убеждению, это продуманные закономерности? Как тот же восход солнца, смена времён года или рождение ребёнка. Сколько пар, обивают пороги медицинских учреждений, стучатся к самым разным шарлатанам, в желании иметь ребёнка, и когда, казалось бы, все надежды растаяли, они внезапно осознают, что у них в самом скором времени, ожидается пополнение. При этом, как ни странно это не звучало, они не прилагали для этого никаких усилий.

Отправив письмо, я хоть и ожидал ответа, но никак не представлял, насколько оно будет трепетным по содержанию и обстоятельным, где в каждой строчке жила любовь, не столько в прошлом, сколько в настоящем и в самом ожидаемом будущем. Она писала о будущем с такой отчётливостью, как если бы это был уже свершившийся факт, словно монумент ещё укрытый от любопытных взоров, но достаточно одного движения, чтобы сорвать покрывало, и он предстанет в полном своём величии. Меня же, это будущее и манило собою и пугало одновременно, пугало своей неизвестностью, своей непредсказуемостью.

Но, сделав шаг вперёд, не принято оглядываться назад, и уж, коли решился на первый шаг, остаётся единственное: сделать шаг второй. И приняв окончательное решение, я договорился со своей сестрой, живущей через три дома от ме-

ня, дабы присматривала за домом и хозяйством, подал заявление на работе с просьбой предоставления не оплачиваемого отпуска. Мой непосредственный начальник участка, хоть и был против, но скрепя сердцем, согласился на две недели. Он прямо в глаза мне так и заявил:

– Валера, я понимаю всё, что годы уходят и всё такое, но и ты пойми меня. Сам прекрасно понимаешь, что ты лучший специалист у меня, и будь сейчас аврал, то едва ли стал бы я отпускать тебя. И, уже после этих слов, как бы в шутку, добавил: – в дороге не пей, ни капли...

Только об этом и речи не могло быть. К алкоголю я вообще равнодушен и тем более, насторожённо отношусь к предложениям о выпивке в случайной компании, а в дороге и подавно не могло быть и речи. Мало ли какие попутчики, да и хмельным на какой-либо станции и высадить вполне могут.

В кассе трансгентства я приобрёл билет на поезд и стал готовиться в дорогу...

Уютно устроившись на верхней полке плацкартного вагона скоростного поезда под монотонный стук колёс, я предался сну.

Кому-то нравится глазеть на виды, проносящиеся в окне вагона, даря новые впечатления, но для меня в эти часы более важным представлялось ожидание встречи. Да и что можно увидеть сейчас в окно: белое безмолвие полей, осиротевшие без листьев деревья, погружённые в зимний сон. В общем, ничего примечательного для человека, длитель-

ное время пребывающего в дороге. Можно долго рассуждать об этом, но одно дело, когда читаешь письма и совсем другое личная встреча, но почему-то сердце моё подсказывало, что всё будет хорошо и не стоит понапрасну беспокоиться. Да и к чему строить предположения, сбывающиеся в очень редких случаях, не лучше ли положиться на судьбу? Ведь издревле же известно: человек предполагает, а Бог располагает. А там, глядишь, и сложится картинка. Так зачем пустые тревоги и опасения?

Полторы с лишним суток на поезде прошли, словно их и не было. Громким сигналом, врываясь в размеренный уклад жизни, поезд возвестил о своём прибытии на станцию. Перестук колёс на стыках становился всё глуше, пока не затих совсем, уступив грохот сцепам вагонов. Но вот уже и они затихли. Проводница, женщина средних лет, невзирая на небольшую полноту, проворно открыла дверь и откинула подножки для пассажиров, покидающих вагон и, соответственно спешащих занять свои места согласно билету.

Вот и я ступил на перрон города Серебряный Бор. Оглянувшись по сторонам, и, втянув в себя аромат соснового бора, я заметил ей, стоящую чуть поодаль от моего вагона. Что и неудивительно, давая телеграмму, я ещё не знал в каком из вагонов буду ехать. Надя выглядела ненамного старше от той, которую я помнил, может быть, несколько пополнела, но даже эта полнота придавала ей особую привлекательность, внося в её образ новые нотки.

Издали мне трудно было разглядеть, какого цвета у неё глаза, я лишь помнил, что они синие-синие, словно летнее небо в ясную погоду, но взгляд остался таким же, неизменным: всё тот же ласковый и участливый. Заметив меня, она, вскинув руку, помахала мне. Я также не удержался от встречного приветствия, пользуясь свободной от ноши рукой, прежде чем, обойдя других пассажиров, подошёл к ней. Бежевого цвета пальто, облегающее стройную фигуру, не только удачно гармонировало с внешностью, оно выгодно подчёркивало её всю, как есть. Локоны цвета спелой пшеницы выбились из-под шапки и струились на ветру.

– Привет, Надюша... – кроме приветствия, я как-то растерялся на месте и не знал, что говорить. Всё о чём задумывалось, мечталось, в этот миг, словно, вылетело из головы. Но тут на помощь мне подоспела сама Надя:

– Привет, Валера... Я до самого конца не верила, что ты решишься приехать. Даже придя на перрон, до самого момента, пока не увидела тебя, выходящего из вагона, была уверена, что напрасно пришла. И лишь после того, как ты возник в двери вагона. У меня на сердце отлегло...

Она говорила. Говорила, а я стоял, боясь пошевелиться, нарушить эту сказочную минуту...

Запоздалое прости

Олега и Таню я знал с самых детских лет, хотя сказать по правде и дай Бог памяти, знаю, как бы там ни было, оба живы здоровы, но только вот счастливы ли? Как говорят в таких ситуациях: жизнь прожить – не поле перейти, и ведь оно действительно так и есть. Мы можем хорохориться, а жизнь незаметно расставляет свои акценты и, желаешь ты или не желаешь, приходится с ними считаться. Бывает, что во время ссоры и сам не успеваешь заметить, как обидное хлёсткое слово вылетает в пылу, да и самим тоже иной раз приходится слышать подобные выражения в свой адрес, на то, наверное, она и есть жизнь.

А вот попросить прощения, извиниться, как ни прискорбно, не всегда спешим. Гордыня ли тому виной, эгоизм ли, выражая одним словом – стараемся скорее забыть об этом инциденте. Да и то ещё есть: попросим прощения, а его не примут? Хотя и сказано в Священном Писании: «прощайте и будете прощены», но в минуты раздражения и гнева мы, напроць, забываем об этом.

Радость и грусть, веселье и тоска, сплетаясь между собою самым невообразимым способом, сопровождают нас по дороге жизни. Всякое случается на этой дороге, друзей обретаем и теряем, иные словно комета, мелькнув в ночном небе,

исчезают, оставляя самые прекрасные воспоминания. А, бывает, и наоборот, оставляют тягостное ощущение, от которого трудно избавиться. У Тани и Олега тоже в жизни произошла одна небольшая, ничем особо не примечательная размолвка, но перечеркнувшая жизни обоим. Поведав эту небольшую историю, я не ставлю какой-либо воспитательной цели или чего-то ещё, человек всегда старается учиться на своих ошибках или, по крайней мере, совершать их...

И да хочется надеяться, что читатель великодушно простит меня, если историю поведаю от первого лица...

Таня, шустрая девчушка, жила от нас через два-три дома и всегда включалась играть в нашу компанию, играем мы в «казаки-разбойники» или войнушку. Нам, деревенской детворе, достаточно было взять в руки палку и, вот он: автомат. Самые разные подвижные игры были в нашем арсенале, даже в индейцев играли. Станет припекать солнышко, речка рядом, а вода... словно парное молоко, нырнёшь в середину и плывёшь, пока не перехватит дыхание. И вот таким образом в играх и забавах детских, заливаясь весёлым смехом или напротив, громким плачем, мы подошли к тому возрасту, когда становится необходимостью идти в школу.

Первого сентября Таня, с большим букетом белых гладиолусов в одной руке и с портфелем в другой вышла из до-

ма. На длинные и шёлковые чёрные волосы, цвета воронова крыла, словно присели фантастические белые бабочки и, настолько им понравилось, что они раздумали улетать, превратившись в два белых банта. Для нас прозвенел первый звонок, предвещаая начало учебного года и, как бы предупреждая, позабыть на неопределённое время о забавах.

Счастью, что освещало наши радостью наполненные лица, не было предела: как же, мы теперь тоже школьники! Как мы гордились своим новым статусом в этот день, поглядывая на остальных ребят, которые вернулись после летних каникул и только и эмоций, что от встречи со старыми товарищами. Нам думалось, два момента в школьной поре: первый звонок, что распахивает двери, впуская в мир знаний и последний, когда, наполнив знаниями, отправляет в далёкое плавание по морю жизни. И в этом море всё или почти всё зависит только от тебя.

С первого учебного дня мы упросили нашу учительницу усадить нас за одну парту, в чём она нам не отказала. Началась для нас новая жизнь полная забот: с утра пораньше собираешься в школу, а вернувшись из школы – для привыкания рук черкаешь палочки и галочки в тетрадке, домашнее задание. На игры оставалось только воскресенье, когда можно проснувшись поутру, позавтракать на скорую руку и бежать к друзьям, что иной раз уже поджидают у калитки.

У детишек моложе нас глаза блестят завистью к нам, как-никак мы уже школьники. И вот в этой суматохе уроков и игр, пролетели несколько лет и, теперь мы уже не «зелёные» первоклашки, а подростки, пришедшие в восьмой класс. Порою просто удивительно, как споро пролетает время, запущенной стрелой, летящей в пространстве, и, ничуть не заботящейся о происходящем вокруг.

Ребята заметно вытянулись в росте, окрепли, кое-кто и к курению успел пристраститься, хотя и усиленно пытается скрывать эту пагубную привычку. И вот к этому времени в наших отношениях с Таней произошли некоторые невидимые, но от этого не теряющие своей упоительности, отношения. И если поначалу я воспринимал это как влюблённость только со своей стороны, но в разговорах с Таней всё же заметил, как она старательно маскирует свои чувства, тщательно старается скрывать.

И даже наши совместные прогулки приняли новый оттенок, что-то ещё не совсем осознанное нами уже витало, дрожало в окружающем пространстве. Так бывает ранним утром, на восходе солнца, когда над горизонтом сгустившиеся облака прикрывают восходящее солнце и пусть его ещё не видно, но душой и сердцем трепетно ожидаешь: вот-вот проглянут первые лучи солнца, приветствуя новым днём.

И хоть по-прежнему я продолжал подтягивать Таню

по черчению и точным наукам, она в свою очередь была мне опорой в гуманитарных предметах, где я оказался не так силен. Возможно, тогда появились первые несмелые всходы любви? Или, быть может, несколько раньше? Когда я носил её портфель в школу и из школы?

Одноклассники, заметив очевидное, не замедлили подтрунивать над нами, обзывая женихом и невестой, однако же, отсутствие реакции с нашей стороны, какого-то иного внимания принудило их искать другие объекты для своих насмешек. А чуть позже, они же с завистью посматривали в нашу сторону, в моменты нашей отвлечённости, бывало, и вздыхали периодически. Пробуждающаяся чувственность или похоть, как хотите, примите, требовала выхода, внимания. Кто из великих, однажды изрёк провидчески: «первая любовь редко бывает счастливой. Но если Ваш случай именно счастливый, берегите его», но мы по своей беспечности едва ли обращали внимание на разного рода, высказывания. Такое отношение, конечно, более присуще парням, девушки же обычно к этому возрасту заводят дневники, куда записывают свои тайные мысли, свои восприятия.

Таня из угловатого подростка преобразилась в стройную, с осиной талией, красавицу. Её мягкий волнующий голос, большие карие глаза, словно с некоторым удивлением наблюдающие за окружающим миром, происходящим вокруг

да чёрные волосы, причудливым образом собранные на затылке – если коротко, приблизительно так можно описать её образ в нескольких словах. Мне казалось, красоту её не то, чтобы описать, на холсте красками и то не передать.

Но что было в ней особо примечательного, при встрече на улице, она никогда не проходила мимо, высоко задрав голову, обязательно поприветствует, перекинется парой-тройкой слов: с малыми по-своему, со старшими по-взрослому. Разве кого подобное отношение к людям оставит кого-то равнодушным? Кто сможет устоять перед обаянием такой красавицы?

Но при всём, при этом о любви, о взаимных чувствах мы предпочитали не говорить до завершения учёбы, может статься стеснялись или в чём ином была причина, кто сейчас упомянет по прошествии времени. В школьных буднях пролетели ещё два года и для нас прозвенел последний звонок, явно намекая о начале нового периода жизни, взрослой жизни, к которой нас готовили целых десять лет. Выпускные экзамены мы выдержали легко и, получив заветные аттестаты, разлетелись кто – куда.

Правда незадолго до этого всем классом мы отметили выпускной вечер у озера, разложив небольшой костёр, рядом на мангале жарили шашлыки, вчерашние одноклассники делились планами и мечтами. С бездонной глубины тёмно-голубого небосвода, местами затянутого тучами, мерцали звёзды.

ды, словно напутствуя во взрослую жизнь. И в тот самый вечер, впервые, осмелев от принятого лёгкого вина, я осмелился признаться Тане в любви. Признание, правда, оказалось взаимным, хотя Таня немного и стушевалась от неожиданной откровенности.

Судьба разбросала вчерашних одноклассников по разным городам и весям. Меня прямо с курсов, вручив повестку, призвали в ряды Вооружённых Сил, Таня же, получавшая образование в областной столице, на проводы и то, не попала. Ничего не поделаешь, знать, на роду так было написано. И единственной нитью, связывавшей нас, стали белые листки бумаги, исписанные красивым бисерным девичьим почерком.

В письмах Таня писала о своих успехах в учёбе, о своих пожеланиях и надежде на скорую встречу. Но письма полные самых сокровенных желаний и чувств писали едва ли не каждый день. В части, где проходил службу Олег, а это предгорья Южного Урала, ему завидовали белой завистью. Пусть и не так далеко от родного края, а по собственной воле дома не побываешь, устав есть устав, служба солдатская. Но когда на сердце легко, дома и родители, и невеста ждут, то и службу нести сплошное удовольствие. После первого года службы мне выделили десятидневный отпуск. Счастливая улыбка озаряла моё лицо в эту пору.

В деревне самая жаркая пора: сенокос. Кто жил в деревне, тому знакомы эти заботы: с рассветом, покуда ещё держится роса и не особо досаждают оводы и комары, взрослые спешат в лес, а в деревне же остаются одни мальцы и бабушки. В лесу там и сям слышны голоса косарей, что, подтрунивая друг над другом, укладывают покосы взмахами искусно отбитой косы. Высокая и густая трава ложится ровными рядами.

Птицы щебечут, словно подбадривая, из чащи. И вот так между делом и не замечаешь, как на восходе забрезжат первые лучи восходящего солнца, предвещая жару. Олег, отдохнув в первый день, после дороги, на второй со всеми вместе отправился на покосы. Вечерами же встречался с Таней, тоже отдохавшей на каникулах в деревне. Но десять дней, они и есть десять дней, а в летнюю пору, когда с утра уже впрягаешься в заботы, даже не успеваешь заметить, как солнце клонится к закату. И вот уже пора собираться в дорогу.

Таня, моя невестка, поехала со мной до самой станции, провожая в дальний путь. Мы неспешно беседовали на скамеечке, когда диспетчер по громкой связи оповестила о прибытии поезда «Москва – Иркутск» на второй путь. А это значит, мне пора подниматься на ноги и искать свой вагон. Во время этой беседы по поводу и без, мы с ней договорились о женитьбе после того, как отслужу, но ни у кого и в мыслях не было, что это наша последняя счастливая встреча, полная радостных ожиданий, радужных надежд.

...Поезд, громко возвестив о своём отбытии, начал медленно набирать ход, отстукивая на стыках рельс. Я же, стоя на последней ступеньке вагона оглянулся назад и помахал Тане рукой на прощание и разглядел ответные взмахи платочком среди провожающих. Вот уже с двух сторон замелькали последние строения и поезд, набравший ход, вышел в открытое поле, тянущиеся бесконечно далеко и лишь на горизонте, в синеватой дымке, заметна полоска леса, да и по пути следования поезда нет-нет да, попадаются участки лесного массива.

Листья на деревьях в предчувствии скорой осени потеряли былую сочность зелени и приняли золотистый оттенок, как если бы живописец несмело нанёс мазки на холст, желая удостовериться в желаемом колере. Где-то густо, а где-то легко коснулась кисть художника, но пройдёт ещё месяц-полтора и лес весь покроется багрянцем, золотом, и воцарится осень в своих правах.

Вторая половина служебного периода прошла споро: в первый год на службе тяжело приходится, а после, то ли входит в привычку, в размеренный уклад или что-то ещё, но время летит не заметно. И ведь оно, и вправду так и происходит. Вышел приказ министра обороны, и Олег, попрощавшись с сослуживцами, начал укладываться, готовиться к отправке домой. На душе легко и лишь непонятная грусть

расставания. Как-никак два года бок о бок провели в одном строю, в одной казарме.

...Поезд ровно мчится по Уральским горам, мерно отступивая на стыках рельсов, выводя свою извечную песню. В окна вагонов, словно прощаясь, напоследок заглядывает таёжный лес. Невыразимо прекрасная природа, что не хочется никуда уходить, но... за тысячу километров ожидает родной край. На редких станциях поезд притормаживает, высаживая одних, и, набирая других пассажиров, чтобы продолжить свой путь: кто-то в гости едет, а кто из гостей. Вторых сразу заметно: хмельные, иные, как только разместятся, выставляют на стол выпивку, закуску дабы продолжить застолье. Некоторые сразу заваливаются спать, видимо, всю ночь продолжалось веселье и, не до сна было перед дорогой.

И только поезду нет никакого дела до людских забот: знай себе мчит по отполированным до блеска, до рези в глазах, рельсам вперёд. С двух сторон обступают деревья, образовав коридор, и, устремившись ввысь, к небесным просторам. Солнечные лучи едва пробиваются до земли сквозь их кроны. Да и земля в этих местах больше представляет собой каменные россыпи или человеку из средней полосы, привычному к чернозёму, так кажется.

Километры за километрами глотает поезд, оставляя позади и вот уже массивные кедровые стволы уступили место широким лу-

гам, бескрайним полям. От того, что лето перевалило на вторую половину, поля отливают золотом, обещающим богатый урожай. В какой-то момент, он очнулся от задумчивости, услышав голос проводницы. Оповещая пассажиров, она громко произнесла название станции. «Так, это же и моя станция тоже», – всполошился Олег, спешно собираясь к выходу. Поезд, громко извещая о своём прибытии, просигналил и некоторое время спустя, громяхая сцепами, встал на путях.

...На радостях, что стоит на родной земле, даже сам не заметил, как добрался до родной деревни. Всё происходило словно в тумане. Каждый, кто хотя бы единожды выезжал в дальний путь, знает: нет большей радости, чем возвращение домой. Как бы красиво ни было где-то там, а сердце тянет на родину. И лишь дошедши до родного дома, Олег смог перевести дыхание. Душу переполняла необъятная радость: наконец-то, я снова дома. Снова в родных краях, он готов был обнять весь мир, душа просто трепетала от волнения охватившего его всего.

Медленно открыв дверь, он пошёл в сени, пахнувшие живой прохладой и до боли знакомым запахом родного дома. Мать с отцом в эту минуту сидели за столом, погружённые в какие-то житейские размышления, что возникают на каждом шагу в сельской жизни и требуют приложения

рук: то одно, то другое; в одном месте латаешь, в другом уже ломается.

Увидев родного сына на пороге дома, они опешили вначале, как-то не додумался Олег на вокзале ещё отбить телеграмму. У матери от радости тут же увлажнились глаза от набежавших слёз, да и в голосе отца ему почудилась дрожь. Но несмотря на это, мать тут же пошла собирать родственников в честь возвращения родной кровинушки, защитника Отечества.

Олег же, не откладывая дела в долгий ящик, направился к своей любимой девушке. Столько времени были в разлуке, оба изрядно соскучились друг по другу. Влюблённым сердцам и день в разлуке кажется месяцем, а тут целый год не виделись.

Добротный дом, выстроенный из белого кирпича, издали ещё бросается в глаза, подойдя ближе замечаешь в палисаднике изобилие цветов самой сказочной расцветки, каких только цветов здесь нет. Бархатцы своими жёлто-оранжево-коричневыми соцветиями, эшольции всех цветов, гордые кусты роз с кроваво-красными лепестками. Подойдя к калитке, Олег легонько толкнул калитку и прошёл внутрь. Во дворе громко кудахча, курицы подбирали рассыпанное зерно, между ними, словно маршал на параде, расхаживал петух. На ступеньках крыльца, прогретых от солнца, важно

возлежал пушистый чёрный кот, нежась под ласковым ветерком. Заметив Олега, он даже ухом не повёл, продолжая лежать, и только сощурил глаза, по всей видимости желая сказать: «ну что, застрял-то у калитки? Проходи дальше, раз явился».

Кончиками пальцев, Олег постучал в дверь сеней. Вскоре за дверью послышались лёгкие шаги, направляющиеся к выходу. Дверь открылась и перед обомлевшим Олегом предстала его любимая, его ненаглядная Таня. Но не одна, как он и рассчитывал, подходя к дому, в руках девушка держала ребёнка, заставив Олега на миг потерять дар речи. Младенец сладко спал в нежных руках Тани. «Может быть, сестра приехала погостить, – промелькнула шальная мысль у Олега, – сейчас вот поймёт, что к сестрёнке пришли, и заберёт ребёнка, оставив их наедине».

Но никто не появился. С трудом обретя дар речи, Олег, справившись с волнением, нерешительно произнёс: – Привет, Танечка.

– Привет, милый. С приездом, тебя, – ответила девушка ласково, лучащиеся глаза сияют счастьем, – как доехал?

– Да в общем-то, нормально, – и в надежде рассеять все сомнения, Олег решил спросить относительно ребёнка,

что невольно лишил покоя, – племянник?

– Почему племянник? Наш ребёночек, наша кровинушка, – с гордостью и восхищением ответила Таня.

– Как наш? Откуда? В письмах ты же ни разу не упоминала об этом? – ничего не понимая, в полной растерянности ошарашено смотрел Олег на девушку.

Таня не в меньшей степени оказалась удивлённой и к тому же, она посчитала себя ущемлённой.

– Как это не писала? – но кроме этих слов, больше ни слова не сказала.

– Вот так и не писала, – слова, видимо, прозвучали холодно, и Таня, не дожидаясь никаких объяснений, закрыла перед самым носом Олега дверь. Но не только дверь, как показало дальнейшее, само будущее, счастливое будущее с любимое захлопнулось перед ним в этот миг.

Ему бы поспешить следом, просить прощения, но гордыня, проявившая себя не вовремя, не позволила сделать решительный шаг навстречу счастью. Сколько влюблённых пар разрушено этим ничего не стоящим, но всепоглощающим чувством, именуемым – гордыня. Редко находятся лю-

ди, способные перешагнуть через него, на секунду затмеваящего собою всё вокруг. И насколько они бывают счастливы, что сделали это, что не позволили минутной слабости пере-силить себя. Буквально в ту же минуту вспомнилось произо-шедшее минувшим летом.

...Небольшая скрытая от любопытных взглядов, лесная полянка, окружённая непроходимыми зарослями орешника, чуть в сторонке от которой протекает небольшая речка, образовавшаяся от бьющего из-под земли родника. А воздух такой духмяный: и сейчас, как вспомнишь, голову кружит. Только-только скошенная трава парит под солнцем, распро-страняя неопиcуемый аромат, ромашки колышутся на вет-ру своими белыми головками. На Тане соответственно по-годе лёгкое ситцевое платье, облегающее стройную девичью фигурку, когда же она оказывается с солнечной стороны, то и вовсе кажется обнажённой, словно на ней ничего и нет. Мы с ней только вдвоём на этой полянке, Таня, сидя на траве, плела венки из лесных цветов.

Мы и сами не успели ни понять, ни осознать, как всё про-изошло: руки стали ласкать послушное и податливое девичье тело, губы слились в поцелуе с губами. И вот уже обняв её упругое тело, Олег почувствовал биение, рвущегося нару-жу девичьего сердца. Да и у него самого сердце готово было выпрыгнуть из груди. И только губы, горящие жадные губы

горячо шептали: я люблю тебя! Я люблю тебя. Дальнейшее произошло столь стремительно, словно в далёком сне...

И всё же сознание, разум не спешили признавать правду. Почему в таком случае, она умолчала о последствиях летнего приключения, сверлило мозг сознание своим вопросом. Тот факт, что письмо могло затеряться в дороге, разум ни в какую не желал признавать, учитывать, как одно из обстоятельств того, что Олег остался в неведении. Да ещё гордыня подзадоривала разум, сказавшись союзником. Так о каком прощении может идти речь в подобной ситуации. Наломать ещё больше дров, это вполне реально, но не более того.

Таня буквально через пару дней покинула деревню. И только через подругу Тани, Олегу довелось дознать, что девушка уехала к сестре, так и не решившись встретиться ещё раз. Кто знает, возможно, при зрелом размышлении, Олег и признал бы свою ошибку? Признал бы ошибку, попросил прощения за необдуманное высказывание и всё бы было прекрасно, да только жизнь не имеет сослагательного наклонения и многое происходит лишь единожды. Но теперь уже поздно. Желая забыть прошлое, вычеркнуть из памяти, на следующий год Олег соединил свою судьбу с другой. Да память разума можно усыпить, а что же делать с памятью сердца? Оно-то не отпускает... Как бы ты ни желал, а закроет глаза Олег, тут же перед глазами встаёт образ Тани и смот-

рит укоряющими глазами...

...Прошло достаточно времени, когда Таня приехала погостить в деревню. Рядом шёл статный высокий мужчина, двое детишек. Старший лицом и статью похожий на Олега. Лишь однажды они встретились без свидетелей. Но и тогда они молча прошли мимо друг друга, едва поздоровавшись. Но глаза, её лучистые карие глаза ясно сказали: «Прошлого не вернёшь».

Да и без этого, он понял, давно уже понял: поздно теперь просить прощения. Запоздало его прощение, запоздало...

Рябина – ягода горькая

Как-то раз, гуляя по старому парку, где полувековые деревья, что помнят, наверное, даже основателей города, своими раскидистыми кронами подпирают синее небо, я совершенно незаметно для себя, шаг за шагом любясь великолепием природы, набрёл на рябинник. Поскольку на дворе уже явно чувствовалось приближение осени, растерявшие былое жизнелюбие, листья на белоствольных берёзах, хотя и продолжали удерживаться, но приобрели золотистый оттенок. И нет-нет, да и лёгкий ветерок играючи срывал их, и листья, кружась в своём последнем танце в воздухе, словно сплетённом паутиной из золотых ниток, спускались на пожухлую траву.

Какая-то неосознанная, непонятная тревога охватила меня всего, заставив содрогнуться. Я не сразу смог уловить. От чего она исходит, что послужило первопричиной всего этого. Лишь спустя несколько минут, словно озарение, память, вернув меня в прошлое, осветила разум, напомнив всё. И сквозь призму прошлого, я посмотрел на порозовевшие ягоды рябины, густо большими кистями облепившие куст, что навеяли мне грустные мысли, после первых же осенних заморозков, приобретающие огненно-красный цвет и в сером, с облетевшей листвой лесу, пылающие подобно костру, внося яркое разнообразие. Костру любви. Любви?...

Может быть, в этом заключалась истинная причина моей

неясной, ещё не осознанной до конца грусти. На мгновение защемившей моё сердце, и, не желающей так просто отпустить?

— Тогда, несколько лет назад, тоже стояла осень, как я припоминаю, но в отличие, от сегодняшней, поздняя осень. Деревья, лишённые листья. Тоскливо взирали на окрестность в ожидании зимы, что укроет их белым покрывалом. Опавшая листва, самых причудливых цветов, как палитра художника, шуршала под нашими ногами и ломалась с характерным хрустом. Мы шли с тобой по тропинке, и если память мне не изменяет, то была наша последняя встреча и, казалось, листья своим хрустом, предостерегают от ошибок в будущем, напоминают, как хрупко и зыбко всё в этом подлунном мире. Одно неосторожное слово или жест способны навсегда перечеркнуть всё то, что берегли и лелеяли.

Шагая рядом с тобой, уже в ту минуту, далёкой от меня, придерживая за руку. Я всё ещё пытался как-то исправить положение, объяснить стечением обстоятельств случившегося, оправдаться в твоих по-детски наивно-чистых глазах, но твоя легко ранимая душа — почему я не подумал об этом раньше по своей самоуверенности — и близко не желала подпускать к себе, закрывшись на сто замков. Но, без единого подходящего ключа. И никакая отмычка не в силах была помочь мне справиться с этими замками в ту минуту.

Ты слушала, или мне так хотелось думать и верить, утешая собственное самолюбие, отрешённо, и лишь изредка погля-

дывала в мою сторону, всё ещё не веря увиденному, а вполне допускаю и с намёком: мели Емеля, твоя неделя.

Я не раз после этого укорял себя, готов был на самый безрассудный поступок, если бы... он позволил, хотя бы на миг вернуть прошлое и... исправить всё. Я упрекал себя за столь безответственный шаг, за авантюру, достойную подростка, но уж никак не молодого человека, каковым я себя считал. На тот момент мне верилось, это была детская шалость, лёгкая ничем не обременённая забава, но... как я не прав оказался. Сейчас, когда уже всё позади. Пережив немало, и, многое повидав. Я осознаю, какой трагедией было оно для тебя, тогда же... Тогда, я. Направляясь в сторону скамеек, расставленных на открытой площадке, вокруг весело журчащего фонтана. Встретил свою давнюю знакомую Аню, невесть каким образом, оказавшуюся здесь в данную минуту. Но только ли знакомую? Почему я напрасно пытаюсь обманывать себя? А как же наши встречи с ней, волнующие кровь, словно это было вчера, при одном воспоминании о них, наши ночи? Ведь всё это было. Было и не вычеркнуть их из памяти.

Она шла мне навстречу, когда я, узнав, окликнул её:

– Привет, Аня!

Прищурившись. Аня посмотрела в мою сторону:

– Ой, а я тебя даже не узнала. Богатым будешь. Привет, Гена. С твоей новой причёской тебе сейчас только шляпы не достаёт да гармошки. Ну, вылитый крокодил Гена.

– Серьёзно? Тогда. ты согласна стать моей Чебурашкой? – продолжил я, начатое ею, совсем запамятовав, что само слово Чебурашка могло смертельно обидеть её. Ну, пусть не смертельно, но на долгое время позволило бы считать человека своим врагом. Дело же в том, что ещё в школе, она вбила себе в голову про оттопыренные уши, хотя и несколько сей факт не соответствовал истине, что в прочем не мешало ей комплексовать по этому поводу, да ещё одноклассники, неведомым образом прознав про её комплекс, нет-нет. Да поддевали, называя Чебурашкой. По её потускневшему взгляду я понял, что оплошал, и она обиделась.

– Анечка, извини. Я совсем не желал наносить тебе обиду. Даже в мыслях не держал. – пошёл я на попятную, ничуть не сомневаясь в её прощении. Иногда девушки умудряются играть эмоциями, лишь для того, чтобы молодые люди потакали их капризам, воспринимая всё всерьёз.

– Чем докажешь, что это так?

– Чем? – переспросил и, недолго думая, при этом не ожидая никакого подвоха, притянул её к себе, впился губами в её по-детски пухлые губки, про которые обычно говорят «нецелованные», со всей, присущей мне, страстью.

По её ответному, не менее страстному поцелую, я понял: она всё ещё любит меня. С немалым трудом удалось оторваться от её уст: по-прежнему жаждущих, по-прежнему любящих. В этот волшебный миг. Я забыл обо всём. Забыл, что должна подойти Оля, моя нынешняя пассия. Встречу с ко-

торой назначил именно в этом старом парке, забыл, запамтовал. Как дорого стоила мне эта ошибка... Всего лишь поцеловал... Любящее сердце, увидев меня, целующимся с другой. Не пожелало простить этой, как мне казалось, ничтожной малости. Да и как? Почему мы так легко и просто совершаем глупости, ничтоже не сумнящиеся о последствиях? В глубине души я понимал, что поступил неприлично, но и отрицать, что я этого не желал, тоже не могу, целуюсь с Аней, заведомо зная, но надеясь, что она. Как обычно опоздает к назначенному времени, что совсем скоро должна подойти моя любимая, мой ангел с рыжими локонами, моя Олечка. И всё же, я пошёл на это безрассудство. Или же, я рассчитывал вызвать у тебя ревность? Но, как выяснилось позже, не только ревность, но и расставание. Всё это цена за мой опрометчивый шаг.

Сегодня трудно вспомнить всё в мельчайших подробностях и прокрутить в памяти, как киноленту, но в ушах всё ещё слышны твои торопливые, уходящие шаги. Я, наскоро распрощавшись с Аней, даже не удосуживаясь объяснять столь скоропалительное прощание, больше напоминающее побег, кинулся следом за тобою. Аня, наверняка, осталась в полном недоумении от моего поступка, но мне то, что за дело до её раздумий? Уже на выходе из парка, мне удалось-таки догнать тебя, и, как утопающий хватается за первую подвернувшуюся соломинку, в тщетной попытке удержать, я взял тебя за руку. Ты не стала прилюдно устраивать мне сцены,

выражать свою обиду. Вырываться, но лучше бы всё это. Нежели твоё холодное леденящее душу равнодушие, сменившее ещё недавнюю пылкую любовь. Может быть, виновата была во всём моя несостоятельность в способности сохранять жизнь любви, преждевременно уходящей от меня, словно песок, струясь сквозь пальцы, как воздух. Вырывающийся из проколотой шины?

Я оправдывался, что-то говорил невпопад, призывая на помощь всю свою фантазию. Пробовал обернуть всё в неудачную шутку, но всё напрасно. Всё было напрасно. Мои старания, заранее обречённые на провал, отскакивали от тебя, как мяч отскакивает от стенки. Молва, вечная спутница жителей малых городов. Где всем и всё известно друг о друге, а неизвестное – додумано, уже успела нашептать тебе. Что Аня, в целом приличная и добрая девушка, была некогда моей пассией и тогда, увидев нас вместе, ты однозначно решила, что мы втайне от тебя возобновили наши отношения. Как нелегко развенчивать пустые сплетни, да и невозможно. Насколько я смог убедиться на собственном опыте, тем паче, если невольно, в какой-то мере и сам способствуешь их распространению.

Моя любовь, не успев созреть, только некого в этом винить, кроме меня самого, опала горькими ягодами лесной рябины. Стройная ты, кудрявая. Напоминающая мою любовь, да вот горечь остаётся после тебя. Такая же, что осталась, после расставания с Олей, а ведь казалось, что всё у нас

прекрасно, и только по моей невозможной глупости наши светлые мечты, будто гонимые холодным северным ветром осенние листья, разлетелись, лишив меня всякой надежды на наше светлое будущее.

Солнце, уже успевшее заметно снизиться. Совершив свой круговорот, стреляет своими яркими лучами, сквозь ажурную листву рябины. Но нет уже той жары. Что стояла несколько дней назад или моя душа, потерявшая в этом старом парке свою любовь. До сих пор не смогла отогреться? Страхнув с души тяжёлые воспоминания, я направился в сторону жилых домов. У самого выхода малыши забавлялись. Бегали среди деревьев. Играли опавшей листвой. По округе разносился беззаботный счастливый детский смех, отзываясь со всех сторон долгим эхом.

Брак по расчёту

Отраден стыд наслаждения, но пусты без любви
воспоминания...

В. Лихоносов

Не вчера это началось, с давних пор, у людей, занимающих какой-либо, даже совсем небольшой пост, сложился своеобразный подход к жизни и никакой общественной строй, складывающийся в державе, не в силах его поколебать, а тем паче искоренить, он подобен генетической болезни, что передаётся от поколения к поколению, иногда сходя почти на нет, что кажется всё. Но нет, прорастает в ещё более изощрённой форме.

Каждому, кто хоть раз в жизни, но всё же доводилось сталкиваться, а порой и пользоваться методом, сформированным одной лаконичной фразой: «рука руку, моет», «ты мне, я – тебе» и другими схожими выражения

ми и никуда от этого не деться, оно как статус кво. К сожалению, многие этот подход воспринимают как жизненную установку, ставят во главу угла.

Арина, будучи ещё девочкой- подростком, выросшая в семье, где отец – зав. Сектором при обкоме партии, а мать, всю свою сознательную жизнь отдавшая педагогическому воспи-

танию подрастающего поколения, с раннего детства усвоившая потребительский подход к жизни, иного существования себе и не представляла. Даже во время школьных занятий, она за так просто никому дружескую руку помощи не протягивала: будь то контрольная работа или сочинение, вознаграждением служила упаковка жвачки или шоколадка.

Год за годом склонность девочки к стяжательству закреплялась, формируя её характер. Такие же друзья – подружки, не водившие дружбу с ребятами из обычных рабочих семей, подчёркивающие свою обособленность, убеждали её в правильности выбранного пути. Вздумай кто —то сойтись с ними, такого о себе наслушаешься, такое наговорят, что не только не поведёшься с ними, но и своих потеряешь.

На вечеринку по случаю, дня рождения, Арина – как – никак семнадцать лет – сообщить об этом отозвала своих подружек в сторону и шушуканием известила их о событии.

Возможно, одноклассницы и одноклассники в глубине души обиделись на это, все десять лет – классов вместе прошли, но как говорится: хозяин – барин, и с этим трудно поспорить. Подругам же и дела нет до их обид, они – высшая каста, чтобы с ними водиться. И, хотя Арина и известила своих подруг о предстоящей вечеринке, главную цель, что преследовала она этим, всё же не раскрыла, да и не получится, не испортив отношений с подругами.

Как бы там ни было, Алёша – её главная цель, встречается с Мариной, что ни для кого не является тайной, а отбить

его у неё, очень хотелось. Да и повод слишком серьёзный, в стране произошли перемены, и её отец оказался не у дел, выдвинутый из системы более разворотливыми и хваткими, что почувствовали откуда дует ветер и чего стоит ожидать.

Стрелки часов, мерно отстукивая время неумолимо приближались к заветной цифре, и, по мере их приближения, сердце Арины, в предвкушении удачного исхода предприятия, застучало сильнее, готовое вырваться наружу. Или сегодня, или никогда, да и когда ещё представится такая прекрасная возможность захомутать парня. Даже выставляя на стол закуски, салаты, она ни на миг не забывала о нём, несмотря на полное отсутствие каких – либо чувств к нему.

Как и договорились, друзья и подруги появились в назначенный час. С шутками, весельем преподносили виновнице торжества подарки и усаживались за стол. Но и за столом продолжались шутки, разговоры, вначале не очень громкие, но по мере принятия спиртного шум усиливался, да и поведение приобрело раскованную форму. В какой – то миг, обернувшись к подруге, Арина обратила внимание на циферблат часов, время за весельем пролетело быстро и, решив, что пора действовать, Арина встала, невольно заставив всех притихнуть на время.

– Друзья! Подруги! А пойдём на дискотеку!

То ли от принятого спиртного, то ли поток шуток и веселья иссяк, но гости пожелание восприняли восторженно и «золотая» молодёжь поспешила в прихожую. Задор энергии требовал выхода.

Застёгивая куртку, Арина заговорщицки подмигнула Алёше, но он не заметил её движений, занятый неподатливой молнией на своей безрукавке, или сделал вид, что ничего не видел. Повторно подмигивать, Арина сочла унизительным, к тому же в голове промелькнула утешительная мысль: «по любому с сегодняшнего вечера будешь моим», – полностью приковав к себе внимание девушки.

По настоящему совету подруги Даши, на дискотеку Арина прихватила несколько бутылок водки и вина, которые за считанные минуты были опустошены ребятами на танцах, невзирая на отсутствие какой – либо закуски. Ди – джей, лихой парень, умело управляющийся с вертушкой, объявил во всеуслышание: – Белый танец, дамы приглашают кавалеров!

Наступила долгожданная минута, с нетерпением в сердце и лёгким волнением в душе, ожидаемая Ариной. Опережая закадычную подругу, она подошла к Алёше:

– Потанцуем? – с вызовом обратилась она к парню.

– Конечно. Мы что? Хуже других? – ошалело ответил он, приобнимая Арину за талию и без того уже взведённую до предела. То, что Арина зарделась от прилившей к лицу крови, прошли также мимо внимания парня, разомлевшего от винных паров. По залу текла упоительная музыка Доги из фильма «мой ласковый и нежный зверь», в такт вальсу мелькали огни цветомузыкальной установки, чувствуя приближение финальных аккордов, по ходу движения, Арина, прижавшись к Алёше всем телом, прошептала в самое ухо: – А давай сбежим от всех?

Как бы ни был захмелевшим, многообещающие слова девушки, недвусмысленно прозвучавшие шёпотом, не остались без внимания, парень не стал дожидаться повторного обращения и, определив в какой стороне выход, они, кружась между пар, двинулись туда. Совсем скоро звуки нестаряющегося вальса остались по другую сторону двери, над головой чистое ночное небо с мириадами звёзд, воздух, коим нельзя надышаться.

– Куда теперь? – торопливо отскочили от ярко накрашенных губ Арины слова. Понимающая, что Марина может почуять неладное и выйти вслед за ними, Арина спешила скрыться из виду.

– Пошли к нам. Предки в гостях и дома ни души, одни в хоромах, – хорохорился парень, ещё не осознавая, слепо лишь следуя физическому влечению, в какую сеть заманивает подруга и выпутаться из неё не поможет и положение папаши.

Обнявшись, словно влюблённая пара, ещё не ведая о последствиях, Алёша с Ариной пошли по улице, едва освещаемой уличным фонарём, оставшимся где – то позади. К двухэтажному дому, величественному и горделивому, выстроенному из белого кирпича, заметному ещё издали, они подошли без лишних происшествий, и Алёша отворил калитку. Ни в одном из окон не видно света.

И вправду никого, – взбодрилась Арина, проходя во двор. Через некоторое время они были в прихожей, откуда плавно перешли в комнату парня. С этой минуты вся будущность Алёши оказалась в руках Арины, готовой на всё ради достижения цели.

...Утром, Арина, проснувшись, сладко истомлённо потянулась... и обернулась к Алёше. О произошедшем прошлой ночью, недвусмысленно намекало отсутствие какой – либо одежды на девушке, вплоть до нижнего белья, что, впрочем, нисколько не смущало последнюю.

– А ты как здесь оказалась? – Алёша ничего не понимающий, и от этого ещё более жалкий, взглядом уставился на Арину.

Приподнявшись, она прикрыла грудь и решила окончательно его добить: – Ты же сам привёл меня. Говорил: «люблю». – То, что он не помнит ничего, только на пользу мне – вилась в голове мысль. – Сказал, одни будем. – Арина, натягивая бюстгальтер на полные груди, продолжила в своё оправдание и, видимо, желая его ещё больше смутить, хот того и без того была мелкая дрожь, повернулась к нему спиной: – Чем стоять бестолково, лучше помог бы управиться с застёжкой...

...Первым шагом, после произошедшего, был её визит к родителям незадачливого парня. Нисколько не заботясь о возможной реакции на её поступок, она без лишних слов перешла в решительное наступление, заявив о своём интересном положении, в каковом якобы оказалась по вине их дражайшего сыночка. Алёшин отец, мечтавший совсем о другом будущем для единственного чада, хотел было отмахнуться, как прогоняют назойливую муху: – А чем ты докажешь, что это его ребёнок? Кто знает, с кем ты там ещё водишься?

– Иван, не торопись – ка с выводами, спешить негоже

в этой ситуации, – прервала, по его мнению справедливые возмущения, супруга. Ты у нас в бизнесе, как- никак народный депутат, если дело обстоит именно так, как она говорит. К тому же – она взглянула на Арину- они люди заметные, и наклонившись к мужу, прошептала: – брат её матери не прокурором ли области работает? Последний аргумент оказался слишком весомым, чтобы запросто отбросить в сторону.

– И что ты думаешь? – заискивающе взглянул Иван на жену. И куда только подевалась спесь, ожидая помощи.

– Как что? Поженить их, раз так вышло- уверенная в своём решении, ответила она.

Отец Алёши, единственного сына в семье, свадьбу устроил пышную, на зависть всем, каких только машин не было в кортеже, среди которых ярким пятном выделялись иномарки. И лишь одному человеку, ради которого всё это и устраивалось, было тоскливо и одиноко, что явственно читалось в его отрешённых глазах. Даже свадебный подарок в виде трёхкомнатной квартиры, ключ от которой, отец семейства преподнёс молодожёнам, не повлиял на настроение последнего. Вот так началась их семейная жизнь, и Алёша, хотя и не питал никаких чувств к своей наречённой жене, но ради семьи старался как мог... одно пугало молодых, близкими

людьми себя они не считали.

Но тот факт, что с финансами у домашних Арины стали проблематичны, сдерживал её. Если ты с детства не знал удержу и получал то, что хотел, впоследствии в этой привычке отказать себе уже невозможно. Вся надежда на обеспеченную жизнь сконцентрировалась на Алёше, точнее его отце, готовом ради счастья сына и, отдых молодых на Канарах устроить, и одежду от лучших западных домов моделей, да к тому же Арина не сегодня-завтра разродиться должна, ребёнок же, это ещё одна статья расходов, и причём немалых.

Осенью отец отправил сына на учёбу в одну из западных стран, и известие о сыне, Алёша узнал только по телефонному звонку. Молодая мама целыми днями возилась с ребёнком, давно утратившая всякий интерес к учёбе, к работе у неё особого влечения никогда не возникало. И вот день за днём сменялись недели, вырастая в месяцы, и чувство одиночества, угнетающего в пустой квартире, нарастало словно снежный ком, которое не мог восполнить и ребёнок, порою воспринимаемый ею чуждым, мешающим жить. Не утолённое чувство любить, ожидало удовлетворения.

Как-то раз, на кухне, то ли слишком сильно дёрнула, но краник импортного производства сорвался. Куда, к кому идти? И уже из отчаяния, когда все испробованные методы не дали нужного результата, выйдя на лестничную площад-

ку, нажала на кнопку звонка на двери, напротив. Не услышав звуков, она стала барабанить в дверь своими маленькими кулачками, не ощущая боли. Наконец дверь открылась. На пороге возник сосед: – Что случилось, Арина?

– Игорь, Вы не можете ли отремонтировать кран на кухне? – без особой надежды, она всё же умоляющим взглядом, уставилась на него.

– Конечно смогу, в чём вопрос? Чуть подожди.

Игорь, взяв всё необходимое, прошёл в её квартиру. Прошло совсем чуть времени, когда Игорь, довольный проделанной работой, произнёс: – Вот и всё. С Вас причитается, Арина, – то ли в шутку, а возможно и всерьёз.

Арина, на скорую руку приготовила нехитрую закуску на скорую руку, после чего, вытащив из холодильника, поставила на стол бутылку «Sarafanoff».

– До чего люблю и уважаю подобных вам людей, всегда под рукой что-нибудь да имеется- улыбнулся он ласковой открытой улыбкой, располагающей к себе, но увидев на столе только один стопарик, возразил: – Арина, я один не буду, как какой-либо бомж.

– Я не пью.

– Ну хоть для приличия, пригуби, – настоятельно попросил он.

Арина, подумав, решила, что от ста граммов ничего не будет, а отношения с соседом ей не хотелось портить, сегодня-краник, завтра ещё что может полететь, согласилась и наполнила для себя тоже. Опустошив рюмочки, они посидели за разговором и, лишь плач проснувшегося сына, Арина проводила соседа и прошла к ребёнку. Она подняла его на руки и принялась успокаивать. Ни с того, ни сего, ей вдруг захотелось самой прислониться к сильному мужскому плечу. А за пробуждением чувства и... до греха не так далеко. И действительно...

Как-то совсем случайно, они встретились на площадке, по ходу беседы, разговор зашёл о ремонте квартиры и Игорь без всякой задней мысли, в порыве откровения, сказал, что хотел бы поменять обои, да одному без соответствующих навыков, как-то несподручно.

– Я могу помочь- сорвалось с языка Арины, до сего дня представления не имевшая о работе, – времени свободного много, да и за делом время летит...

– Да я бы не хотел обременять вас своими проблемами, –

хотя именно этого ответа хотелось ему услышать, но ради приличия попытался возразить он, в конце вынужденный якобы согласиться.

Но даже сама себе она не хотела признаваться, что жаждет его поцелуев, а истомлённое тело хочет его сокровенных ласк. В первый вечер они содрали со стен старые обои и по ходу работы, Арина несколько раз успела перехватить оценивающий взгляд Игоря, но промолчала. Да и какой женщине не понравится внимание приличного мужчины?

Вдобавок ко всему, её ладная фигура с полной грудью, осиной талией и стройными бёдрами просто предназначена быть любимой, но лишена всего этого. А может быть, причиной была семья, созданная без любви? Как бы там ни обстояло, но, если до сих пор сердце было на месте, теперь оно лишилось покоя. Молодой женщине в одночасье захотелось подарить всю накопившуюся любовь. Поистине, пути женщины к мужчине неисповедимы.

Уже у себя в квартире, лёжа в постели, она размышляла о своей жизни, в которой ничего по сути не было, кроме фирменных тряпок, пустых разговоров ни о чём, столько прожито, а за спиной всё также чистый лист бумаги... Лишь одно тревожило и беспокоило Арину: почему любовь и богатство всегда по разные стороны барьера, почему, когда ты богат, лишён любви и наоборот? Но жизнь не могла ей ответить,

что у каждого есть выбор, она сама должна решить эту задачу...

На следующий день, заклеив последнюю полосу, Игорь предложил обмыть работу. Арина не отказалась, женское сердце, жаждущее любви, переступая через доводы разума, тянуло к Игорю.

Когда он за столом притянул её за талию к себе, даже сквозь ткань она почувствовала жар разгоряченного тела, ей привиделось, что в венах. Арина от нахлынувшего волнения покраснела, да и дыхание стало учащённым. Игорь о чём-то шептал ей на ушко приглушённым голосом, а затем губы коснулись щеки. Арина пылала, и сама не осознавая своего необдуманного поступка, ответила на его жаркий поцелуй. Никто из двоих не мог припомнить, каким образом они оказались в постели...

С того дня начался их тайный роман, Арина словно растение, долгое время лишённое ухода, расцвела. Их роман продолжился и по возвращении Алёши.

Любовники умудрялись найти время и место для утоления своей похоти. Муж подолгу пропадал на работе или у друзей, что не особо заботило её. Может у него тоже на стороне имеется любовница – как-то осенило Арину, но тут же успокоила себя: но мы-то пока ещё законные супруги. Вслед

за ним будто в отместку за ворованную любовь возник ещё один вопрос: сколько они встречаются с Игорем и знают друг друга, он ни разу не завёл разговор о том, чтобы жить вместе.

В один из вечеров, Арина не удержалась, чтобы не заговорить об этом. Игорь не растерялся, словно ожидал этого разговора:

– Арина, знаешь, я не приспособлен к семейной жизни, и разве нам так плохо?

Что противопоставить? За благородной внешностью скрывался обычный мужской эгоизм. Но только не это беспокоило её, совсем другое: она вдруг поняла, что ждёт ребенка от Игоря. От мужчины, не желающего семейных уз. Две напасти с ужасающей скоростью подступали к ней: ни отвернуться, ни развести...

Один раз в год сады цветут

Они сидели на лавочке, примостившейся у забора, уже столь долго, что ночная мгла объяла всю округу. Ночные птицы и те успели утихомириться и отойти ко сну. Лишь шаловливый летний ветерок, откуда-то приносил свежие вести и неспешно нашёптывал листве, отчего те, передавая друг другу, мягко дрожали. И редкий листочек, со стыда ли

от услышанного, срывался с ветки и так и, не узнав конца истории, тихо кружась в воздухе, падал на мягкую и сочную траву.

Влюблённым казалось, что не всё ещё успели сказать перед предстоящей разлукой, что ожидала с завтрашнего дня. Юноше, ранним утром необходимо, ехать в город, где уже разместившись в вагоне транзитного поезда, достичь далёкой столицы – Москвы, где он обретёт новый статус – статус студента университета. Как ни крути, а без высшего образования, в нынешней жизни мало чего можно добиться.

– Я люблю тебя, – в самое ушко прошептал Андрей.

– Я тоже люблю тебя и буду ждать, – в ответ прозвучал голос девушки. В эту минуту, ветер откуда-то издалека донёс обрывок песни, что пели девушки, судя по молодым и задорным голосам, в которой удалось ясно расслышать одну лишь строчку:

– Один раз в год сады цветут, – выводила компания девчат. Как всё верно подмечено и точно. Всего лишь раз. И даже, если случится так, что цветут дважды, во второй раз воспринимается сухо и насторожённо. А не обман ли?

Они уже два-три раза умудрились попрощаться, а рас-

статься друг с другом никак не выходило. Но вот, Маша поднялась на ноги:

– Андрюша, милый, тебе завтра рано вставать...

– Любовь моя, – у него перехватило дыхание от подступившего волнения. В горле, словно ком застрял. Маша же, тем временем скрылась за калиткой и Андрей, побрёл домой. Как ни старался он, незаметно пройти к себе в комнату, едва лёг в кровать, подошла проснувшаяся мать.

– Сына, завтра утром, во сколько тебя будить?

– Часов в пять, мама.

– Хорошо, сына. Знаешь, что рано вставать и всё одно ходишь до полуночи. Спокойной ночи.

И вот, взяв баулы, загодя приготовленные с вечера, он вышел на автобусную остановку. Вскоре уже он прошёл в салон, подъехавшего «ЛАЗ»а, и даже оттуда с затаённой надеждой смотрел на дорогу, верил, что Маша подойдёт, успеет. Но... нет... не сложилось...

...Наконец, после полутора суток качки и перестука колёс, в конце пути показалась Москва, в начале промышленные предприятия, пригородные посёлки... Москва... Высот-

ные дома, яркие вывески, празднично наряженные люди. Бесконечный поток машин, несущихся в обе стороны, что перейти дорогу и то даже страшно. Андрей, успешно выдержав все экзамены, приобщившись к этой суете, стал посещать кафе, разные выставки и театры, новые премьеры, стараясь как можно больше увидеть, когда бы ещё он побывал в столице.

Тогда ли, а возможно чуть позже, образ Маши стал тускнеть, теряться в его памяти, заменяясь новыми образами. Столько красивых девушек рядом, стоит руку протянуть, заговорить, а любимая

далеко, за тысячу километров, велика сила соблазна, как бы ни старался крепиться.

Чувства, известное дело, нуждаются в подпитии, как и костёр, разгоревшийся, требует всё новых порций хвороста, в окружении этой праздности, Андрей не мог выкроить время на письма Маше, но вот на новые знакомства и случайные романы оно непременно находилось, а она не знала адреса, куда писать. Через некоторое время в чередке случайных романов, у него завязались отношения. Ему верилось, что всё это серьёзно и навсегда.

Они познакомились самым случайным образом в конце первого курса и поначалу, Андрей не воспринимал её все-

рьёз. Но в то же время, манящий соблазн стать москвичом, притягивал, манил. Она как-то попросила помочь ей в написании реферата, после обращалась с другими просьбами, пока они не оказались в одной постели. За пять лет учёбы, их отношения укрепились и, забыв о Маше, о признаниях, о клятвенных заверениях, женился и создал семью с совсем другой. Тесть, видя его целеустремлённость, помог пробиться в люди, а после и фирму свою открыть.

С того, самого вечера, прошло более восьми лет. Маша, оставшаяся в деревне, выведав у матери Андрея адрес, в первое время ещё написала письмо, надеялась. Но с каждым прожитым днём, надежды таяли, как апрельский снег под лучами весеннего солнца, сердце заполняло невыносимое чувство тоски и одиночества. Работа, на которую она устроилась, приносила облегчение днём, в окружении коллег, людей, но оставались ночи. Ночи, когда никто не в силах был ей помочь.

Сколько времени живёт человечество, но вот лекарства от тоски, до сих пор никто ещё не смог изобрести. Можно было бы поступить проще, завести любовника, но, когда отношения не подкреплены чувствами, похоть не облегчение приносит, напротив всё наоборот, опустошает душу, вдобавок, чувствуешь себя, словно вываленной в грязи.

В тот день, когда Андрей, уже остепенившийся приехал навестить родителей, Маша, как всегда была на работе. Весть об этом ей принесла подруга, любительница посудачить и практически все деревенские новости, она успевала узнать первой, что та же сорока, стрекочущая без умолку.

– Маша, слышала? – начала она, как всегда, пытаясь привлечь к себе внимание.

– Что ещё? – без излишнего интереса, только чтобы не обидеть напарницу, отозвалась Маша, с недавних пор, прозвавшая подругу местным радио.

– Андрей приехал, – продолжила та. – На джипе, весь такой расфуфыренный, а жена, жена, словно только с обложки глянцевого журнала сошла. А ступает так, как обычно ступают в кино, будто пава.

Ей и в голову не пришло, какой болью отзовутся они в душе Маши, словно ножом по самому сердцу. А ведь была в курсе, что, Маша с Андреем встречалась, как-никак погодки. Навзрыд, как в далёком детстве, готова была разрыдаться, стерпела. И только округа виделась, будто в тумане из-за слёз, что выступили на глаза. Как она отработала тот день, сама не представляла. Всё происходило, словно во сне.

Уже придя домой, не раздеваясь, Маша прошла в комнату и, ничком упав на кровать, она дала волю чувствам, слезам. Горькие и солёные слёзы, слёзы обиды, отчаяния, безвозвратности. «Господи, почему, за что? В чём я провинилась перед тобою?» -идущие из глубины души мысли, разрывали сердце. Всё вокруг, казалось, теряло смысл. Она проклинала Андрея, взбудоражившего её душу, своим приездом. Обессилев от слёз, от нахлынувших воспоминаний, она забылась сном на мокрой подушке.

Назавтра, она надеялась, что Андрей в память о прошлом, их прошлом, всё же решится и навестит её. Слабое утешение, но и этой малости, она оказалась лишена. Андрей навещал родственников в соседних сёлах, в деревне, но так и решил подойти к ней. Возможно, что испытывал стыд, от своего необдуманного поступка или ещё что-то, не позволившего случиться их встрече, о том один Бог ведает.

Он, так и не решившись, укатил обратно в Москву. По деревне немного посудачили кумовья на лавочках, посплетничали, и жизнь снова вернулась в привычное русло и ничто не напоминало о его приезде. Да только вот не знаем мы, не дано нам знать, что ожидает нас в будущем, может стать, мы бы и по-другому поступили. Нет, лишены мы этого дара, лишены. А ведь, знай, мы это, многого можно было избежать.

Андрей, подстраховавшись от лишних неприятностей и проблем, переоформил фирму на супругу, как немного погода и квартиру. Не ведал деревенский мужик, какую грубую ошибку совершает. Ему бы приглядеться, подумать, посоветоваться с кем-нибудь, да только в таких случаях мы считаем себя чуть ли не самыми умными. Начавшийся разлад в семье, грозил завершиться разводом.

Постоянные командировки по делам фирмы, засиживания в офисе, решая текущие и далеко идущие планы, всё это не прошло даром. То, что жена завела любовника, он понял сам, хотя задолго до этого, о том же предупреждали коллеги, сочувствующие. Но Андрей, по простоте душевной надеялся, что перебесится и всё будет, как и раньше. Но, не получилось, треснувшая чашка, грозилась развалиться на несколько кусочков.

Не потому ли, в пылу ссоры, жена ему прямо в лицо сказала, как отрезала: – Да у тебя, деревенщина, кроме того, что на тебе, ничего-то и нет...

– А фирму, кто на тебя оформил? Или она с неба свалилась на тебя?

– Кого это трогает? Сейчас-то она моя...

Что возразишь? Нечем крыть, все козыри, сам по своей щедрости уступил, и кроме одежды и джипа – ладно, хоть его на себя оформил, как супруга ни упрямылась, что стоит во дворе их многоэтажки, у него и правда, ничего нет. Но в машине, как ни пытайся, жить невозможно. Три ночи всё же провёл он в машине, многое передумал, переоценил, по-иному посмотрел на многие вещи. Да только, локоть близко, а не укусишь.

В четвёртую ночь, завёл машину и тронулся с места. Он ехал по улице, без какой-либо цели, пока не осознал, что едет в сторону выезд, едет к родителям. Столичная жизнь, будто карточный домик, что рассыпается от лёгкого дуновения, рухнул в одночасье. Переживал ли он из-за этого? Кто знает, то было ведомо ему одному.

Через сутки, он добрался до деревни, благо ехал в ночи, когда поток машин иссякает и только дальнбойщики проносятся в том и другом направлениях, на некоторое время оживляя трассу. И опять трасса погружается в темноту, где едва синее горизонт и отблеск стоит над деревнями, да звёзды перемигиваются в ночном небе. В домах, кое-где, уже свет успели потушить, в родительском доме тоже нигде не видно света. Пройдя во двор, постучался в сени, заранее решив, если не откроют, переночует в машине. Но на кухне

включился свет, а затем за дверью раздался голос матери: – Кто там, посреди ночи людей беспокоит? От сна отрывает...

– Мама, это я, Андрей...

– Не мели-ка чепухи, Андрей в Москве...

– Мама, ты что, голос мой не признала?

– Да неужто, ты, сынок?

– Да, мама, я...

– Что произошло?!

Он приобнял маму: – Мама, это долгий разговор, давай отложим до утра. Да и с дороги устал я, всю ночь ехал...

Душа его разрывалась от боли предательства, от обид. Но и в эту минуту, он не удосужился вспомнить, как сам некогда предал Машу, свою любовь, позарившись на столичную жизнь.

В комнате, он включил магнитофон, и словно в назидание ему, зазвучало:

Один раз в год сады цветут,
Весну любви, один раз ждут...

Будто иголкой кольнули в сердце. В ту прощальную ночь, девушки также пели эту песню, и то ли от слов песни. То ли обида послужила толчком, он вышел на кухню и открыл холодильник. У матери в запасе всегда имелась бутылка крепкого, на самый разный непредвиденный случай. Дрова ли колоть, забор ли подправить, всюду требовалась водка, иначе палец о палец не ударят.

Он пытался заглушить тоску, поселившуюся в сердце, наполнить пустоту, образовавшуюся вдруг.

А может быть, не вдруг? А всей своей непродуманной, отданной на откуп вещизму, материальному благу жизнью, он шёл к этому? Когда духовная составляющая жизни, оказалась отброшенной далеко в сторону, как бы за ненадобностью?

День за днём проходили в беспробудном пьянстве, пока не пришедший брат, не поднял его на ноги, сидящего за столом, перед очередной бутылкой водки. Поднял и хорошим ударом тут же уложил на пол. На мгновение, казалось, свет померк в очах и сознание помутилось.

– Ты что? – промычал он, заплетающимся языком, и, размазывая выступившую кровь по лицу.

– Я не что, а кто. Брат твой родной. Думаешь, жена бросила, так и жизнь закончилась? Ну, в таком случае остаётся только сразу в петлю, а не нюни распускать, – подытожил брат, развернулся и, хлопнув дверью, ушёл. Может быть, он и ещё пару раз приложился бы к Андрею, но на его счастье, услышав шум, в дверях появилась мать. При ней же он не стал ничего предпринимать. Мать только руками всплеснула, увидев кровь на лице Андрея.

На следующий день, с утра пораньше, несмотря на тремор во всём теле и головную боль, отдающуюся в висках, он натаскал воды и затопил баню. А через пару дней, когда он, наконец, окончательно пришёл в себя, направился к Маше. Заметив её ещё издали, возвращавшуюся с работы, он решил подождать возле калитки. Машу, он всегда бы узнал, всё такая же статная, а распустит косы, что ниже талии, так и струятся по спине, волнами.

– Здравствуй, Маша.

– Ну, здравствуй, – ничего не выражающим голосом, ответила ему, сухо и обыденно. По тому, как он поступил с ней, другого ответа и не следовало ожидать. Не хлебом с солью же встречать, на самом деле?

– Маша, разговор есть. Если позволишь...

– Есть так, поговорим. За это денег не берут.

– Может быть, присядем? – предложил он, указывая на скамеечку.

Разговор не клеился. Как ни старался Андрей, слова не шли из уст всё какие-то никчёмные пустые фразы, а ведь шёл поговорить о более важном. И через какое-то время, Маша, потеряв интерес, без колебаний поднялась, не выдержав:

– Извини, Андрей. Мне мылом торговать недосуг. Дел много...

– Да ничего...

Следующая встреча произошла в субботу. Андрей, для храбрости пропустил граммов сто, пришёл к ней домой.

– Добрый вечер, Маша...

– Добрый... Ты по какому поводу?

– Как объяснить? Душа исстрадалась, – вырвалось из уст, слетело с языка.

– Да неужели? Но, Андрей, здесь не больница..., – удивленно вскинула глаза на него, Маша, не веря своим глазам. – Ну и всё же, пройди, присядь...

Он пододвинул стул поближе к себе и присел. Маша, тем временем поставила на стол бутылку, закуску:

– С усталости пропустишь? – спросила лишь. – С какими вестями?

– Маша, это долгий разговор...

– Нам, по всему видать, спешить некуда. Тем паче, у меня завтра выходной день...

Он начал. Нет, не на жалость рассчитывал, на понимание, хотелось высказаться, облегчить душу. Маша, скрестив руки на груди, стояла у стены и вслушивалась в его спонтанный монолог, изредка вставляя слова или фразы.

Андрей так и остался у неё в ту ночь. Остался, да Маша постелила ему отдельно. Ночью он не единожды порывался встать и прилечь к ней, но что-то удерживало.

На улице ещё не рассвело, когда покинув уютную постель,

он вышел на крыльцо. В лицо ударил прохладный сырой воздух, идущий с речки. Человеком, совершившим проступок, он направился по тропинке через огород вниз, к воде. В ухоженной, мягкой почве оставались глубокие следы, но не это его заботило, другое.

Дойдя до берега, присел на влажную от росы, траву, подмяв своим грузным телом. Весело журча на перекатах, речка текла куда-то вдаль, за горизонт. Андрей, смотрел на речку, а видел свою жизнь. Разве наша жизнь не так же течёт? Когда ровно, а бывает и бурлит, грозя снести всё.

«Что же я наделал? Что? Если бы женился тогда на Маше? Кто знает, может быть, всё и было ладно? Да после учёбы в Москве, был шанс вернуться молодым специалистом или программистом на дому. Нет, Москва обворожила, яркая – конфетным фантиком сверкающая жизнь – прельстила. Как всё исправить?» – мысли, бьющимися волнами о каменистый берег, терзали душу.

Андрей, упёршись руками о берег, окунул голову в воду. Ладонями, мокрыми прошёлся по волосам, протёр лицо. Солонватый привкус ощутил на губах.

«Господи, за что? За что мне это всё? Почему всё не так в нашей жизни?» – прошептал он, молитвой слова, вознося

глаза к небесам. И лишь, порозовевшие в лучах восходящего, солнца, облака неспешно ползли куда-то по небу...

С той ночи, памятной обоим тем, что они узнали друг о друге многое, прошло недели две с небольшим, если подсчитать, как они вновь встретились, сами того не ожидая. Да и как могло быть иначе, если проживаешь в сельской местности и тем более на одной и той же улице. Нет, никто не спешил стыдливо отводить глаза, но и напоминать о ней тоже не спешили.

Каждый по-своему осмысливал, произошедшее до этого в их жизни, да и по правде, что могла решить одна-единственная, проведённая вместе ночь. Удовлетворённая похоть, которой не было и не могло быть с подходом Маши в этом вопросе, пресекающей всякие вольности в самом зародыше, да и сами не столько этого желали, а чего-то большего, в чём сами себе ещё признаваться побаивались...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.